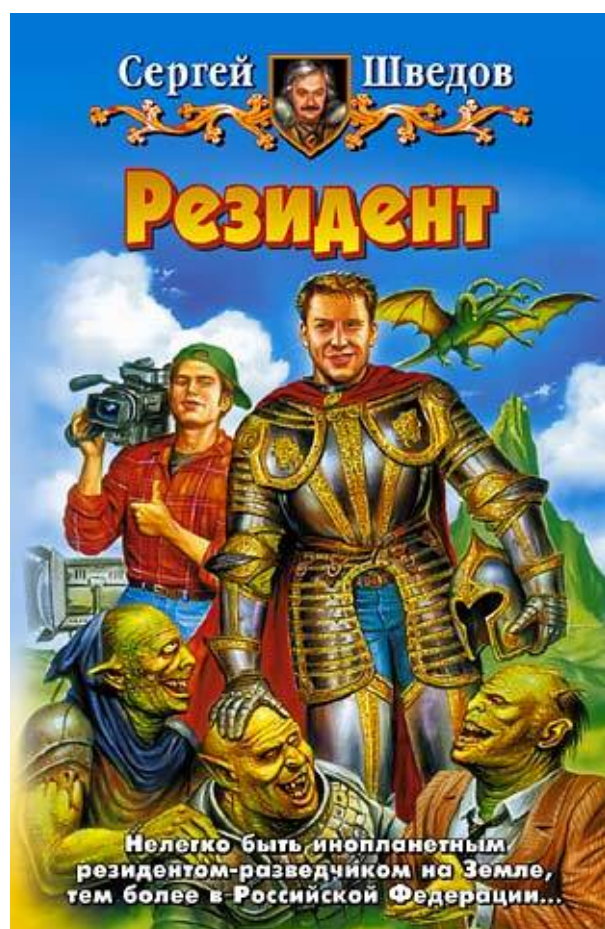

Сергей Шведов
Резидент
Серия «Планета героев», книга 2

Текст книги предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=168241

Шведов С.В. Резидент: Фантастический роман: АРМАДА: «Издательство Альфа-книга»; М.; 2004

ISBN 5-93556-375-4

Аннотация

Нелегко быть инопланетным резидентом-разведчиком на Земле, тем более в Российской Федерации. Попробуйте одновременно снять блокбастер не хуже голливудского, выиграть выборы в славном городе Кацапове и отразить нашествие инопланетян. Кому-то, может, и слабо, но только не Герою. Коварство черных магов из ордена Золотого Скорпиона ужасает всю Вселенную, но и административный ресурс в Российской глубинке – это тоже не хило. А творческий поиск и вовсе может завести вас черт знает куда... ну хоть бы к дракону в зубы. Ликуйте друзья, трепещите враги! Рыжий Ник, резидент планеты Героев, бросает вызов судьбе, черным магам и обстоятельствам.

Содержание

1	4
2	12
3	24
4	35
5	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Сергей ШВЕДОВ РЕЗИДЕНТ

1

**Земля. Москва. Рассказывает принц Ник
Арамейский, резидент паррийской разведки. Он
же Рыжий, он же Сынок, он же князь Мышкин**

Сразу скажу, время, проведенное на Земле, не пропало для меня даром: худо-бедно я научился разбираться в местных политических реалиях. Что для резидента, сами понимаете, очень важно. А я человек все-таки ответственный. И если уж Высший Совет Светлого круга назначил меня на эту планету, то не может же принц Ник Арамейский ударить в грязь лицом и провалить задание!

К сожалению, не все это понимают. Кое-кто семейные обязанности ставит выше общевселенских. Хотя, разумеется, меня трудно упрекнуть в том, что я уклоняюсь от исполнения супружеского долга. Я, собственно, Наташку имею в виду. Ей, видите ли, не нравится, что я часто смотрю телевизор. Особенно футбол. И это в тот момент, когда наша сборная отчаянно пытается доказать всей планете свою несомненную состоятельность!

К счастью, папа Караваев целиком на моей стороне. Он не понимает, как может истинный мужчина быть равнодушным к футболу?! И я с ним совершенно согласен. Хотя к футболу пристрастился совсем недавно, а до этого даже не подозревал, что на белом свете существует такая увлекательная игра.

Сразу сознаюсь: был момент, когда я едва удержался, чтобы не прибегнуть к магии. Тем более что и Александр Сергеевич Караваев, и Сеня Курицын-Бенкендорф всячески меня к тому подталкивали. Это было бы нарушением всех и всяческих предписаний и инструкций Высшего Совета Светлого круга!.. Я все-таки не поддался нажиму. Даже когда к делу подключился шофер Жигановского Василий!

– В карты передергивать – ему ничего, а когда вся страна его просит о святом, он, видите ли, не может! Ему инструкция не велит!.. Бюрократ ты, Никита, а не резидент!..

Тем не менее я устоял. Ведь если к судейским ошибкам и тренерским просчетам добавить еще и магию, то получится не футбол, а сплошное регби!.. Это Наташка, между прочим, сказала, и в ее словах была сермяжная правда, которую, однако, не захотели принять ни Василий, ни папа Караваев, ни Сеня Бенкендорф.

– Нас на бабу променял! – махнул в мою сторону рукой Василий, не отрывая глаз от телевизора (наши в этот момент забивали гол швейцарцам). – Вот – магия, Никита! Не твоей чета!..

Многие мне скажут, что футбол и политика – это разные вещи, которые не следует путать. Но я лично думаю иначе. И со мной были солидарны министр дел чрезвычайных и министр дел внутренних, которые махали в тот момент руками с экрана... Как я и предполагал, наши справились в том конкретном матче и без магии, что сразу же во всех нас вселило надежду на благополучный исход и в оставшихся матчах.

– Я к Степанычу обращаюсь за помощью, – сказал Василий. – Уж он-то не станет прятаться за инструкцию...

А вот это дудки! В смысле, ничего у Соловья-разбойника с футболом не получится, поскольку более равнодушного к великой игре существа на планете Земля я не встречал. А для магии нужна личная заинтересованность. Степан Степанович у нас по ужасикам специалист, по боевикам, ну, в крайнем случае, по року, рэпу и прочим музыкальным «прибабам», включая вездесущую попсу. Спорт – вне его магической компетенции.

Но с Василием на эту тему спорить бесполезно, поскольку он абсолютно несведущий в магии субъект. Я его почти неделю пытался научить самым простейшим фокусам, которые, к слову, без труда освоила Наташка, но все попусту. Ну нет у человека таланта, что тут поделаешь?..

А вот папа Караваев и Сеня Бенкендорф освоили несколько карточных приемов. После чего сделали набег на соседнее казино, разнеся его в пух и прах. Результат не замедлил сказаться: больше их в подобные заведения и на порог не пускают. А я до сих пор улаживаю вспыхнувший скандал и веду кулачные и прочие разборки с крышующими казино элементами. Все-таки магия – дело серьезное! Пускать ее в ход надо с большой осторожностью – во избежание крупных и мелких неприятностей.

Но вообще-то семейная жизнь у нас с Наташкой идет размеренно и чинно. За исключением некоторых ночных, а часто и дневных безумств эротико-сексуального характера... Некоторые ведь всерьез полагали, что Ник Арамийский наломает на Земле дров. Ничего подобного! После того как мы с братом Виком разобрались с магом Каронгом, делать мне на этой планете стало абсолютно нечего.

– Как это нечего?! – тут же вскинулась моя супруга. – Женатому человеку всегда найдется работа в доме. Вон хоть розетку почини!

– Я подвиги имею в виду, Наташенька, а ты гонишь меня под электрические импульсы!..

И совсем бы я скис в тихой семейной жизни, но тут случилось событие – почище футбола.

Номер выкинул Арнольд: взял да и стал губернатором Калифорнии! Можете себе представить?! А он ведь даже не заслуженный артист – как ваш покорный слуга, к примеру. Я специально уточнял у папы Караваева. Ну, не давал никто этому выскочке заслуженного артиста!.. Александр Сергеевич, правда, оговорился, что Арнольд, мол, звезда. Но это он преувеличил, как между земными артистами водится: человек звездой быть не может по определению – не та энергоемкость!

И сразу же по телящику заволновался народ. Больше всех ярился Венедикт Владимирович Жигановский. От него я и узнал, что Арнольд – эмигрант...

А я ведь тоже в Москве приезжий... Потом, у меня мама с Земли. И у папы перед планетой и этой страной имеются заслуги: дракона-то он убил в подмосковных лесах! Правда, было это довольно давно – более тысячи лет назад... Но, в конце концов, в парадоксах времени он не виноват. А заслуга – она и есть заслуга!..

В общем, я считал, что прав на губернаторскую должность у меня гораздо больше, чем у Арнольда, но на всякий случай решил посоветоваться с Венедиктом Владимировичем. Жигановский – политик опытный. Его через день по телевизору показывают. Он и у Марьяны частый гость, и Савик его вниманием не обходит. Словом, величина!..

Надо отдать должное Венедикту Владимировичу: на мой зов он откликнулся незамедлительно. С тех пор как мы уладили с ним финансовые проблемы, Жигановский проникся ко мне искренним уважением. Наташка, правда, ворчит, что за полтора миллиарда баксов можно зауважать даже черта!

Думаю, в данном случае она не права. Ну что такое эти полтора миллиарда – тьфу!.. Я тут, пользуясь инструкциями своего предшественника Аббудалы Каха, поиграл немного

на Нью-Йоркской бирже и буквально за неделю приумножил свой капитал на десять миллиардов!..

Правда, после этого доллар по отношению к евро почему-то вниз покатился. Папа Караваев прямо за голову схватился. Сеня Бенкендорф с лица спал, поскольку он свои сбережения, оказывается, держал в зеленых... Словом, получился небольшой катаклизм, не повлекший, впрочем, для Земли необратимых последствий... В свое оправдание могу сказать одно: зато рубль российский укрепился – в полном соответствии с известной истиной: если где-то убудет, то в другом месте всенепременно прибудет...

– Неужели десять миллиардов?! – ахнул Василий, по неизменной своей привычке сопровождавший шефа. Впрочем, появлялся он в моей квартире частенько и без Жигановского – поболтать о том о сем с Александром Сергеевичем Караваевым, которого Наташка не хотела выпускать из-под своей опеки. Она обещала маме, что присмотрит за папой... Я, разумеется, не возражал, поскольку считаю, что мне с тестем повезло. Он, конечно, не великий маг, но по земным меркам вполне приличный артист, способный изобразить кого угодно – даже своего великого тезку Пушкина!

– Он бы триллион у них изъяс, – вздохнул папа Караваев. – Наташка не дала... Жалко ей стало американцев.

– При чем тут американцы? – возмутилась моя же-на. – У него и так этих миллиардов больше, чем требуется для пропуска в Матросскую Тишину. А если ему еще и американская прокуратура счет предъявит, то будет нам полный олигархический облом!

– Он же в рамках закона действовал, – вступился за меня Александр Сергеевич. – Просто очень талантливый молодой человек.

– Знаем мы этих талантливых... – процедил сквозь зубы Василий, который почему-то, как я успел заметить, недолго любил олигархов.

На Венедикта Владимировича заработанная мною сумма тоже произвела впечатление – в том смысле, что он едва не захлебнулся коньяком, который как раз в этот момент неосторожно выпил.

– Ты огурчиком закуси, Венедикт, – забеспокоился папа Караваев. – А то у тебя глаза прямо на лоб полезли.

– Вот тоже присоветовал – огурчиком! – возмутился Василий. – Какой дурак коньяк солеными овощами закусывает? Ты бы еще квашеную капусту ему предложил или маринованную редьку!.. Лимоном, Венедикт, подлечись.

Венедикт Владимирович и без непрошенных советчиков справился с коньяком и вернул себе утраченное было дыхание. Цвет его лица так и остался багровым, но это, конечно, ерунда, поскольку находился он не перед избирателями.

Надо сказать, что Венедикту Владимировичу даже мои баксы не очень помогли на политическом поприще. То есть рейтинг своей партии он поднял чуть ли не до десяти процентов, но потом дело почему-то застопорилось. Жигановский по этому поводу сильно расстраивался, а я не знал, чем ему помочь. Ведь электорат – такая вязкая масса, что на него никакая магия не действует... Василий как-то сказал, что его шефу до Кремля – как до Берлина, а до Белого дома – как до Индийского океана, и что если он и дальше будет с залетными магами путаться, то ему прямая дорога в «желтые палаты»...

Я, честно скажу, Василия не совсем понял. Ну при чем здесь Берлин, а тем более Индийский океан?.. Берлин – столица совсем другого государства, и Жигановский до сей поры не выказывал ни малейшего желания стать канцлером... Что же касается залетных магов, то, оказывается, он имел в виду именно меня, хотя я о «желтых палатах» ничего не слышал и дороги туда не знаю.

– И знать не надо, – хмыкнул Василий. – Если понадобится, туда и тебя, и Венедикта отвезут на специальной машине люди в белых халатах. И меня с вами заодно...

Василий любит говорить загадками (я уже об этом где-то упоминал)... Плохо то, что он сам в своих загадках разбирается слабо, а уж другим в них вникать и вовсе не рекомендуется...

– Ну что же, – высказал наконец свое мнение Венедикт Владимирович, – идея хорошая, плодотворная, но ни к черту не годится.

– Эк, замахнулся ты, Никита! – поддержал шефа Василий. – В губернаторы пойду – пусть меня научат!.. А Конституция?! А возрастной ценз?! А опыт управления территорией?! А административный ресурс?!.. У нас тебе не Голливуд! У нас такие номера не проходят!.. Заслуженный артист он... Да в России заслуженных – пруд пруди! В каждом театре пучками считают – как редиску!.. Как хочешь, Никита, но я тебе не советую. Из тебя губернатор – как из собачьего хвоста сито!..

Мнение Василия меня, честно говоря, не очень волновало. К тому же опыт управления отдельно взятой территорией у меня имеется. Я почти восемнадцать лет – можно сказать, буквально с пеленок! – числюсь губернатором в графстве Арамия на Кимоне. А население того графства, между прочим, пятьдесят миллионов человек! Представьте себе, оно процветает так, что здесь, на Земле, никому и не снилось!.. Правда, бывал я на Кимоне всего раза три от силы... А зачем больше? У меня там очень хорошие помощники.

– Наверное, потому и процветает твое графство, что ты там редко бываешь! – не удержался от язвительного замечания Василий. – Вот ведь порядочки у них на звездах! Сплошной тоталитаризм и монархизм! Не успел человек родиться – ему папа уже графство в колыбель тащит!.. А народ Арамии твой папа спросил?! Народ-то безмолвствовал!

– С демократическими ценностями у вас серьезные проблемы... – поддержал своего шофера Венедикт Владимирович.

Вообще-то, Жигановский в мое инопланетное происхождение не верит. Ну не укладывается такое в его голове! И даже лицезрение сеанса магии во дворце нефтяного магната Казюкевича не изменило его образ мыслей. Он до сих пор считает, что я – идиот, экстрасенс, ловкий мошенник, но уж никак не инопланетянин... С Василием – та же самая история. Не говорю уж обо всех прочих землянах... Но Венедикт Владимирович, в отличие от того же Василия, свои сомнения не афиширует – по-моему, из тактических, а возможно даже и стратегических соображений...

Поначалу меня такая реакция обижала, а потом я с ней смирился и решил, что так, наверное, лучше и для меня, и для окружающих. Ну, за исключением, быть может, Натальи – ее я потихоньку от папы Караваева приучаю к мысли, что жить нам придется в мире, границы которого далеко выходят за рамки Земли. Тайком и от папы, и от Высшего Совета мы с ней уже побывали на нескольких ближних к Земле населенных планетах с чисто познавательными целями. Моя жена была в восторге от увиденного, но упрямо считала, что все это с нами происходило во сне...

– Это почетное губернаторство, – пояснил я своим оппонентам. – Традиция восходит к тем временам, когда мой дед, Феликс Садерлендский, защитил Кимон от нашествия космической саранчи.

– Это что еще за космическая саранча? – удивился Василий.

– Не важно, – махнул я рукой. Честно говоря, сам плохо помню эту историю. То есть читать-то читал, но подзабыл с годами, поскольку предков у меня было много, и все как на подбор – личности героические, много чего во Вселенной на совершавшие.

По слухам, один даже водил дружбу с Сагкхом – о чем нам нет-нет да и напоминают досужие сплетники. Но это, конечно, клевета на наше во всех отношениях приличное семейство!.. Звали того моего предка Андрей Тимерийский. Он и королем-то не был, а всего лишь князем, ну и активно путешествовал по Темному кругу... Очень героическая личность,

вошедшая в анналы Парры. Правда, не без белых пятен в биографии. В частности, мне никто так и не объяснил, за что же его прозвали Проклятым князем?..

– А идея хорошая, – сказал вдруг Венедикт Владимирович. – Почетный губернатор... Почему бы и нет?.. Калифорнии свободной я тебе, Никита, не найду, но, скажем, Черноземная область – тоже звучит неплохо.

– А почему Черноземная? – насторожился я. – Там что, нечистая сила водится?

– Ничего там не водится, кроме чернозема, потому так и прозвали, – пояснил Василий. – Только ты на эту область губенку не раскатывай. Так тебе ее Пацаков и отдаст... Зря ты, Венедикт, втрапляешь младенца в историю. С Пацаковым никакая магия не пройдет!

– Помолчи, Василий, – отмахнулся Венедикт Владимирович. – При чем тут Пацаков? Не век же ему в королях ходить. А главой администрации Черноземной области вполне может стать Венедикт Жигановский.

– А губернатором кто?

– Ты, – успокоил меня Венедикт Владимирович. – Почетное губернаторство я тебе гарантирую. Объявим по всем телеканалам. За особые заслуги перед областью и страной.

– А вот интересно, – ехидно заметил Василий, – какие такие заслуги перед Россией и Черноземной областью имеются у этого молодого человека?

Прямо скажу, меня заявление московского скептика возмутило до глубины души! А кто развалил замок Ужаса и ликвидировал принца Саренга с целой бандой монстров и оборотней, которые тянули свои грязные ручонки к планете Земля?.. Кто наконец предотвратил прорыв межпланетной нечисти, организованный черными магами из Ордена Скорпиона во главе с Каронгом?.. Да если бы не мы с Виком, то Москва была бы разрушена! А от самого Василия, как от бабушкиного козлика из песенки, остались бы рожки да ножки! Межпланетные монстры – это вам даже не серые волки!..

– А за козла ответишь! – обиделся Василий. – Фокусы каждый дурак показывать может. Да и фильм у тебя получился так себе, экстрасенс... Ты знаешь, в скольких фильмах Арнольд снялся? Одна «Красная жара» чего стоит! Он там всю нашу мафию положил!

– Подумаешь, мафия... – не сдавался я. – Губернатором Калифорнии его избрали за то, что он веска с Луидора убил!

– От темнота! – покачал головой Василий. – Одно слово – Внеземелье... Это кино, Никита! Кино! Да и хищник был, я тебе доложу, – картинка!

– Подумаешь, хищник... К тому же вески – вегетарианцы, я это точно знаю. А я на Ытухтаре с жабовидными пщакками дрался! А жабовидный пщак твоему веску сто очков вперед даст!

– Нет, я не могу спорить с этим резидентом! – махнул рукой Василий. – Ну хоть ты, что ли, Саша, объясни своему зятю, что такое кино.

– Видишь ли, Никита, – издали начал папа Караваев, – искусство и жизнь – это далеко не одно и то же. То есть искусство, конечно, отражает жизнь, но лишь в определенной степени. Строго говоря, веска Арнольд не убивал, а лишь сделал вид, что убил.

– Сговорились они, что ли, с веском? – поразился я такой невероятной наглости Арнольда, обманувшего всю планету.

– Да не было никакого веска! – взорвался Василий. – Не прилетал он на Землю! Это ты можешь понять?!

– Ты мне мозги не пудри, – ввернул я местное колоритное выражение, хотя не очень понимал, зачем мозгам пудра. – Я абсолютно точно знаю, что вески с планеты на планету перемещаются только на летательных аппаратах. Так что пройти сквозь время и пространство твой хищник-вегетарианец не мог.

– О! – простонал Василий. – Этот парень все-таки сведет меня с ума! Он сам идиот и всех нас идиотами сделает! Попомните мои слова!

– Зря ты так, Василий, – заступился за меня папа Караваев. – Все-таки перед нами представитель иной цивилизации, где искусство приняло совсем другие формы. И у них выражение «магия кино» имеет совсем другой смысл... Понимаешь, Никита, народ ценит Арнольда не за то, что он убил веска, а за то, что он его не убил. Ну, убил понарошку. А вот если бы он всех убитых в кино людей действительно убил, то сидеть бы ему в тюрьме до скончания века...

Странная здесь, на Земле, жизнь... Вместо того чтобы бороться со злом по-настоящему, они только делают вид, что борются... Артисты! А еще удивляются, почему у них от бензоденов продыху нет! Они, видите ли, не борются с террористами, а только делают вид, что с ними воюют! Они мафию не сажают, а только делают вид, что сажают!.. Но если к ним на планету ползет разная нечисть, а они будут делать вид, что собираются с ней бороться, то, уверяю, Земля и суток не продержится!

– Да... – протянул папа Караваев. – Человек не понимает, о чем идет речь, а на пальцах не объяснишь... Видишь ли, Никита, Арнольд своей игрой подает пример другим людям, как надо бороться со злом.

– Инструкция в образах, что ли? – догадался я. – Или симпатическая магия, когда подобное вызывает подобным?

– Скорее, инструкция... – задумчиво отозвался внимательно слушавший наш спор Венедикт Владимирович.

– Нет, ну почему же? – неуверенно возразил ему папа Караваев. – В каком-то смысле, магия здесь тоже присутствует...

– Вы совсем задурили мальчику голову! – вступилась за меня Наташка. – Не слушай их, Никита, кино – это кайф!..

Своей репликой моя жена вконец запутала дело. Поскольку этим своим «кайфом» она называет сотню самых разных вещей: и секс у нее, понимаешь, кайф, и кофе по утрам – тоже кайф... Даже вонючие сигареты, которые я запретил ей курить, она называла кайфом... А теперь вот еще и кино... Я-то было решил, что кайф – это удовольствие, но, выходит, ошибся. Ну какое удовольствие можно получать от инструкций, пусть даже переведенных в образы, не говоря уж о магии? Магия – это не кайф, а тяжелый и напряженный труд, сопряженный с большими опасностями!..

– А почему бы тебе не снять кино, Никита? – предложил вдруг Венедикт Владимирович. – В процессе съемок и поймешь, что это такое.

– Правильно, – подхватила со стула Наташка и захлопала в ладоши. – Как я раньше не догадалась! А я буду играть главную роль!..

Мне идея Венедикта Владимировича сразу понравилась. Надо же чем-то заняться, пока Высший Совет Светлого круга решает вопрос о моем отзыве с этой планеты... В конце концов, я единственный на Земле человек, который знает, как надо бороться с вампирами, монстрами, драконами и прочей вселенской нечистью. Меня этому учили. И, наверное, я просто обязан составить подробную инструкцию для земных героев, как им вести себя при встрече с тугобрухом с Катаназии или шилохвостом с планеты Каик... Голову даю на отсечение, что ни ребята из Убойного отдела, ни менты с улиц разбитых фонарей никогда не бывали за пределами Светлого круга! Они понятия не имеют, что нужно делать при внезапном налете крылатых урий с Урипли!..

Конечно, Высший Совет может не одобрить мою инициативу, поскольку мне придется раскрыть землянам некоторые приемы боевых магических искусств... Но, во-первых, я не собираюсь открывать все и сразу, а во-вторых, было бы бессовестно оставлять целую планету без защиты в тот момент, когда ей угрожает серьезная опасность!.. Да, границы Светлого круга надежно охраняют Герои Парры, но от локальных прорывов никто не застрахо-

ван! К тому же Земля дважды за короткий период подверглась нападению из Внеземелья, и только случайность помешала Каронгу нанести планете существенный урон.

Вряд ли Земля долго будет оставаться обособленной. Рано или поздно Высшему Совету придется принимать защитные меры. Другое дело, что, в силу неповоротливости и забюрократизированности этого органа, решение может быть принято с большим опозданием, когда от цветущей планеты останутся одни головешки.

В качестве примера можно вспомнить хотя бы судьбу планеты Луизан, где порезвились шилохвосты. Хотя на Луизане и не было человеческой цивилизации, хотя она и не входила в Светлый круг, но промах Высшего Совета, что там ни говори, налицо...

Вот что еще важно: мое решение создать инструкцию не идет вразрез с местными традициями. Подобные инструкции здесь создают все кому не лень! Достаточно взглянуть в телевизор – буквально в глазах рябит от запретов, призывов, указаний, а то и прямых предостережений. Таких, например, как этот: «А вы по-прежнему пользуетесь обычным порошком?..»

Любому дураку понятно, что при стирке нужно пользоваться порошком магическим, но только где его взять несчастным землянам?! Вот им и подсовывают разную дрянь, которая еще хуже обычного.

Я знаю, о чем говорю, поскольку проверил и испробовал почти все, что рекламируют по телевизору. И заявляю со всей ответственностью: инструкции и рекомендации на Земле составляют абы как, часто и вовсе без знания предмета. Словом, много и бессовестно лгут!

А у меня все будет натурально. Я такую инструкцию создам, что Вселенная ахнет!..

Мое твердое решение снять киноинструкцию было тут же одобрено присутствующими в квартире землянами. Еще один аргумент в мою пользу – в случае, если твердолобые члены Высшего Совета начнут обвинять меня во вмешательстве в дела закрытой планеты. Тем более что моя инструкция будет носить исключительно рекомендательный характер – без грифа об обязательном применении во всех земных государствах. А давать советы никому и никогда не возбранялось. Нет таких запретов и в Конституции России.

– А бюджет? – спохватился Василий, которому моя идея снимать кино тоже понравилась.

– Даже не знаю, что сказать, – почесал затылок папа Караваев. – Все зависит от сценария.

– А какой у Арнольда был бюджет, когда он дрался с веском? – спросил я.

– Да, наверное, в сотню миллионов баксов уложился.

Ну, Арнольд нам не указ! Сто миллионов долларов – вообще смешная сумма. Все-таки моя инструкция будет носить вселенский характер... Что же касается веса, то я бы и тратиться на него не стал – просто набил бы ему морду!..

– Расхвастался, – упрекнула меня Наташка. – Тоже мне – герой!

Ох уж эти женщины! Ну какой подвиг должен, в конце концов, совершить мужчина, чтобы его не посылали каждый вечер на кухню мыть посуду и не устраивали истерик по поводу грязных следов в прихожей?!

– Десять миллиардов баксов, – сказал я.

– Ты и загнул! – возмутился Василий.

– Хорошо, пусть будет пять, – решил я сделать ему приятное.

– Хватит и одного! – отрезала Наташка, научившаяся очень быстро считать мои деньги и постоянно упрекавшая меня в расточительности.

Я не стал спорить. По той причине, что если мы не уложимся в миллиард, то никто не сможет мне помешать потратить десять, тем более что они уже есть и их даже делать не придется.

А вот само выражение «делать деньги» для меня до сих пор остается загадкой... Сначала мы с Виком понимали его буквально – то есть взял бумагу и сделал... Оказывается, мы погорячились. За такое «делание» денег на Земле можно запросто схлопотать срок и провести остаток жизни в Матросской Тишине. (Справедливости ради надо заметить, что большие сроки на этой планете дают не только фальшивомонетчикам.) Тут есть масса всяких хитростей, зато нет четкой инструкции, как делать деньги и не попасть при этом на нары... Нет, если я на Земле задержусь, обязательно создам еще одну инструкцию. «Как надо правильно делать деньги...»

– Темнота, – вздохнул Василий. – Тут главное не как правильно сделать, а как и кому правильно дать на лапу.

Прямо беда с этим Василием!.. Ну что значит «дать на лапу»? Ведь в кабинетах же люди сидят, у которых лап нет – только руки!.. Допустим, я умный – меня в Школе резидентов учили шесть месяцев! – а если человек, скажем, из глуши приехал, из дальнего аула, где он эту лапу найдет? Будет бегать по московским улицам?!.. Нельзя же так обращаться с гостями! Должна быть четкая инструкция, где, кому и при каких обстоятельствах нужно «давать на лапу»... А самое главное – информация о том, где эта лапа находится и как она выглядит!..

– Вот бюрократ, – покачал головой Василий. – Бегать по улицам он будет!.. Да ты к любому милиционеру подойди, и он тебе объяснит, что дать надо Джульбарсу, у которого целый питомник щенков, а содержать их не на что.

– Какому еще Джульбарсу?

– Василий пошутил, – разъяснил мне Венедикт Владимирович. – А дача взятки должностному лицу карается у нас по закону.

– Это что же, опять на нары?! – ахнул я.

– В Матросскую Тишину, – подтвердил Василий. – Потому я и говорю, что давать надо Джульбарсу: с него спроса нет!

– Это если он не оборотень в погонах, – возразил папа Караваев. – Иначе как раз и загремишь под очередную пиар-кампанию.

Про оборотней в погонах я слышал. Жутчайшая история. Прямо кошмарная!.. А я ведь предупреждал, в том числе и членов Высшего Совета, что на Земле не все так чисто, как им кажется. Однако никто всерьез мои донесения не принял. И вот пожалуйста: сам министр внутренних дел (можно сказать – собственноручно!) поймал их-таки за лапу, в которую им сыпали деньги...

Правда, самого процесса прямой и обратной метаморфозы я не видел... Папа Караваев говорит, что министр выразился образно – в том смысле, что оборотни они не настоящие, а только прикидывались ими... Но я так понимаю: дыма без огня не бывает! И уж конечно министру виднее, кого считать оборотнем, а кого нет. И мне теперь обязательно надо включить в киноинструкцию подробное руководство по борьбе с оборотнями – чтобы отдельным особям неповадно было отращивать лапы там, где у нормальных людей располагаются руки!

– А где мы будем снимать кино? – спросила Наталья.

– В Черноземной области, – подсказал Венедикт Владимирович. – Заодно и в выборах поучаствуем. Ты ведь, Никита, не раздумал становиться почетным губернатором?

С какой это стати я бы раздумал! Какой-то там Арнольд будет губернаторствовать в Калифорнии, а я, как последнее чмо, буду сидеть в Москве в качестве паррийского резидента, нелегала и мигранта?!.. Подумаешь – Пацаков! Вон, Венедикт Владимирович говорит, что он вовсе не губернатор, а самозванец, поскольку его всего лишь главой администрации области избрали!..

– Ну что ж, – поднялся из-за стола Жигановский, – тогда приступаем к делу с завтрашнего утра. И пусть трепещут наши враги!

2

Земля. Россия. Черноземная область. Информация к размышлению

Евграф Сиротин прибыл в Черноземную область с двенадцатью чемоданами компромата. Не в буквальном, конечно, смысле, а фигурально выражаясь... Сойдя с трапа самолета, он немедленно отправился в губернаторский дворец. Благо, в столицу Черноземья город Кацапов он приезжал не впервые, а с главой местной администрации Виссарионом Дмитриевичем Пацаковым у него были давние и почти дружеские отношения. Сиротин не без основания рассчитывал на очень теплый прием. И, выезжая из Москвы, принял все меры, чтобы его визит к Пацакову остался тайной для председателя партии Венедикта Жигановского. Узнай известный политик, что верный соратник собирается его предать, Сиротину не поздоровилось бы.

Евграф поправил темные очки и поднял воротник плаща, дабы скрыть лицо от любопытного таксиста, который то и дело поглядывал на сидящего рядом пассажира. На его вопросы Сиротин отвечал односложно. На всякий случай, чтобы окончательно запутать следы, пробурчал, что прибыл не из Москвы, а из Новосибирска. Таксист промолчал, но, кажется, не поверил. Сиротин сразу сильно занервничал. Вполне возможно, что таксист является активистом Партии солидарного прогресса и знает ее лидеров в лицо. А Евграф частенько мелькал на экранах телевизоров рядом с Венедиктом Жигановским.

К счастью, все обошлось. Разбитной шофер довез Сиротина до места назначения без происшествий и даже плату за проезд взял по-божески, чем слегка удивил прижимистого Евграфа.

Впрочем, провинция есть провинция! Выглядела бы возмутительной наглостью попытка кацаповца прямо с порога обобрать гостя, прибывшего из столицы.

Сиротин воровато огляделся по сторонам, проверяя, нет ли слежки, застегнул на все пуговицы длинный черный плащ, надвинул на лоб широкополую шляпу и решительно ступил на крыльцо губернаторского дворца. Он, разумеется, отдавал себе отчет в том, что этот шаг в его жизни – поворотный. Вообще-то, Евграф всегда предпочитал передвигаться по грешной земле не по прямой линии, а зигзагами, что давало ему большие преимущества перед прочими согражданами, которые до сих пор простодушно считали, что кратчайшее расстояние между двумя точками – прямая. Жизнь научила Сиротина ничего не принимать на веру и проверять практикой почерпнутые из школьной программы тривиальные истины. А встреча с Каронгом и вовсе заставила всерьез задуматься о своем здоровье. Особенно когда в ситуацию вмешался рыжий идиот князь Мышкин. Бальзамом для истрепанных нервов Евграфа могла бы оказаться гигантская сумма, полученная Венедиктом Жигановским с инопланетного придурка, но, увы, председатель партии обошел своего заместителя при разделе куша. То есть дал, но настолько мало, что Сиротин даже зубами скрипел, вспоминая эти жалкие сто миллионов баксов...

А ведь Евграф рисковал жизнью и рассудком! Чего стоят два шабаша, устроенные инопланетянами во дворце Пушкина?!.. Конечно, дворец не совсем Пушкинский, но шабашиты были самые натуральные! И если в первом случае не совсем трезвый Евграф не до конца разобрался в ситуации, то во второй раз он едва не отбросил копыта! И не в каком-то там переносном смысле, а в самом что ни на есть буквальном!

Вспоминая о тех перипетиях, Сиротин до сих пор вздрагивал и осенял себя крестным знаменем. Хотя до встречи с идиотом Мышкиным Евграф числился в воинствующих атеи-

стах... А уж смерть Каронга на глазах почтенной публики и вовсе едва не доконала Евграфа. Вот вам и турок! Это ж сколько он нечисти в зал напустил?! Кабы не еще один рыжий идиот, родной брат Мышкина, то неизвестно, чем бы дело кончилось и для Евграфа, и для всех остальных собравшихся в зале солидных людей!

Казалось бы, все ясно: на Землю рвется нечистая сила! Труби общий сбор и ополчай врага на пришельцев... Но ничего подобного! Все почему-то решили, что присутствуют на цирковом представлении. Идиоты!.. А когда Евграф сказал Жигановскому, что о паррийском резиденте надо поставить в известность хотя бы ФСБ, Венедикт повертел пальцем у виска, намекая Сиротину на необходимость наведаться в институт Сербского.

Даже Костя Казюкевич, перепугавшийся поначалу до поросычьего визга (опять же в самом что ни на есть буквальном смысле!), отойдя от шока, легко согласился с Венедиктом, что тут поработали всего лишь фокусники и экстрасенсы, правда, большие мастера своего дела... Хороши экстрасенсы!

Нельзя сказать, что Сиротин не попробовал доложить облеченным властью людям, что показанное по телевидению шоу в некотором роде и не шоу вовсе. Но от него пренебрежительно отмахнулись. Дескать, удивил Москву селедкой! Да чего только у нас в последнее время не показывают!..

Отчасти это было верно. Посидев пару-тройку вечеров возле «ящика», Сиротин пришел к выводу, что он, пожалуй, опоздал с предупреждениями. Похоже, захват столицы нечистой силой уже состоялся! Самое время рвать когти в провинцию, где еще пахнет русским духом, а именно – в Черноземную область, в город Кацапов. Все свои надежды Евграф возлагал теперь на Виссариона Пацакова – политика хитрого и умного, твердо стоявшего на земле и никому не позволявшего устраивать вокруг себя бесовской хоровод ни за какие деньги.

Увы, губернатора Пацакова во дворце не оказалось. Лениво зевавший милиционер объяснил приезжему, что Виссарион Дмитриевич в отпуске по случаю набирающей ход избирательной кампании.

– А замы? – с робкой надеждой спросил Сиротин.

– И замы тоже... – Милиционер с нехорошим любопытством глянул на странного гостя. – А вы откуда приехали, гражданин?

– Я из Новосибирска... – поторопился с ответом Сиротин. – А что, вообще никого не осталось?

– Сказано же вам, гражданин, русским языком: все ушли в кандидаты. Кто – в губернаторы, кто – в мэры, кто – в депутаты.

Евграфа прошиб холодный пот. Показалось вдруг, что и в Кацапове бал правит нечистая сила, которая напрочь обезглавила целую область, лишив ее руководства в самый ответственный для судеб человечества период.

Слава богу, подошедшая уборщица тетя Дуся в два счета развеяла одолевшие Сиротина страхи. Оказывается, дело было не в нечистой силе, а в избирательном законе, за исполнением которого бдительно следил въедливый председатель ЦИКа.

Сиротин вздохнул с облегчением, сдвинул широкополую шляпу на затылок и вытер тыльной стороной ладони холодный пот со лба.

– А кто сейчас областью управляет? – спросил он у осведомленной тети Дуси.

– Как кто? – удивилась уборщица. – Они и управляют. Только подпольно... Ты, милоч, дорогу перейди, там, значит, у них штаб будет. А уж в штабе тебе укажут конспиративную квартиру, в которой сейчас Виссарион Дмитриевич обитает. Допустят ли тебя к нему, сказать не могу. Все-таки подпольная работа требует секретности...

В предвыборном штабе на Евграфа посмотрели с подозрением, хотя темные очки он снял, ворот плаща опустил, а шляпу и вовсе держал на отлете, всем своим видом демонстри-

руя среднестатистического гражданина, далекого как от предвыборных страстей, так и от ведущих слежку за конкурентами вражеских разведок.

– Кто такой? – надвинулись на столичного гостя два амбала в хорошо пошитых костюмах.

– Сиротин, – не стал скрытничать Евграф. – Давний знакомый Виссариона Дмитриевича Пацакова. Спонсор. Прошу сообщить обо мне губернатору немедленно ввиду важности привезенной мною информации.

Амбалы долго проверяли сиротинский паспорт – разве что на свет его не просвечивали. Куда-то звонили, с кем-то советовались, без конца к месту и не к месту поминая фамилию гостя, что чрезвычайно Евграфа нервировало. В конце концов, возжелавший власти в Черноземье Венедикт Жигановский уже вполне мог внедрить в избирательный штаб конкурента своих агентов!..

После почти двухчасовых мытарств и хождений по штабным кабинетам Сиротин был наконец посажен в автомобиль с тонированными стеклами и окольными путями доставлен в загородный особняк скрывшегося в подполье главы администрации Черноземной области Пацакова.

Едва ступив на заповедную землю, Евграф чуть не грохнулся в обморок от чудовищного рева. На миг ему показалось, что кто-то кого-то убивает, утробно урча в лицо обезумевшей от страха жертве.

– Это павлин кричит... – любезно объяснил побелевшему гостю вежливый молодой человек, выделенный штабом для сопровождения. – У Виссариона Дмитриевича здесь зверинец...

Дворец Пацакова внушил уважение даже Сиротину, жившему отнюдь не в собачьей конуре. Пройдя вымощенный узорной плиткой обширный двор, Евграф поднялся на отделанное голубым мрамором крыльцо и, войдя в холл, оказался в объятиях хозяина.

Виссарион Пацаков был в своем репертуаре. Круглое улыбчивое лицо его прямо-таки лоснилось от гостеприимства. Маленькие насмешливые глазки голубыми огоньками посверкивали из-под широкого лба. Тугое брюхо хозяина давило Евграфу в солнечное сплетение, мешая дышать. Сильные ладони, дружески похлопывавшие гостя по спине, грозили нанести последнему серьезные увечья. Тем не менее Сиротин, добравшийся наконец после стольких треволнений до места назначения, был в эту минуту почти счастлив.

– Коньячку с кофейком, а, Евграф? – Хозяин подмигнул гостю с таким видом, словно намекал на нечто запретное и предполагающее тяжкую ответственность если не в уголовном, то уж точно в административном порядке. Похоже, проведенная в подполье неделя наложила на Виссариона Пацакова неизгладимый отпечаток.

– Давай! – отчаянно махнул рукой Сиротин и упал в предложенное разлюбезным хозяином кресло.

Горячительное, как водится, выпили отдельно от кофе. Коньяк был хорош, и Евграф поздравил губернатора с безукоризненным вкусом.

– А я ведь к тебе по делу и, можно сказать, за защитой, Виссарион, как к верному другу.

– Генеральная прокуратура хвост прищемила? – понимающе хмыкнул Пацаков.

– Хуже... – вздохнул Сиротин. – Много хуже, Виссарион.

На всепонимающем лице Пацакова проступило явное непонимание. Глава Черноземной области никак не мог взять в толк, что для преуспевающего бизнесмена может быть хуже Генеральной прокуратуры?

– Конкуренты, что ли, одолели?

– Это, пожалуй, ближе к теме. Ты слышал, конечно, о планах Жигановского испортить тебе жизнь? Учти – я в этом деле Венедикту не помощник.

Пацаков поморщился: то ли лимон попался слишком кислый, то ли не поверил хитроумному гостю, которого числил в верных соратниках председателя Партии солидарного прогресса.

– Мамой клянусь, Виссарион!

– Жигановский мне не конкурент... – пренебрежительно махнул рукой Пацаков. – Ну, пошумит, посмешит почтенную публику... Для имиджа области это даже полезно. А то меня давно упрекают в безальтернативности. А тут – видный столичный политик!.. У такого выиграть будет лестно.

Кажется, Пацаков принял Евграфа за парламентаря, прибывшего от Жигановского для того, чтобы обговорить детали будущего предвыборного шоу, которое должно завершиться к обоюдной пользе.

– Ты меня не понял, Виссарион. Венедикт всерьез нацелился на твое кресло. А за спиной у него такие силы, о которых ты и представления не имеешь!

– Неужели президентская администрация? – насторожился Пацаков.

Сиротин возмущенно фыркнул. Если бы дело было в президентской администрации, то Евграф бы сейчас не в пацаковском дворце сидел, а мел бы хвостом вокруг Жигановского! Но, увы, Венедикта хоть и привечают в свите президента, но не до такой же степени, чтобы посадить его в кресло главы администрации Черноземной области. Нет, в этом отношении Виссариону волноваться нечего.

– Ты о шоу в офисе Кости Казюкевича слышал что-нибудь?

– Какое еще шоу? – удивленно вскинул брови хозяин.

– Цирковое. Его по телевизору показывали. Вся Москва два дня только о нем и говорила.

– Ну, Москва... – махнул рукой Пацаков. – У вас там каких только шоу не устраивают! А у нас здесь провинция, Евграф. Черноземье. Живем тихо, мирно, без всяких шоу. Хотя с культурой нам, конечно, следует подтянуться. Пусть и не до столичного уровня... Миша, ты этот пункт о культуре в мою предвыборную программу вставь, а то я, чего доброго, запамятую.

Скромно сидевший в отдалении любезный секретарь Миша, тот самый, что привез во дворец Сиротина, с готовностью закивал головой. Евграф даже не стал спрашивать у Пацакова, можно ли откровенничать в присутствии молодого человека, ибо хорошо понимал, что подозрительных и ненадежных людей у тела губернатора не держат.

– Так вот, Виссарион, можешь мне верить или не верить, но это инопланетяне.

– Какие инопланетяне? – спросил без всякого интереса Пацаков, но чашечку с кофе все-таки поставил на стол.

– Да эти – князь Мышкин и Каронг! Каронга на моих глазах убили вместе с сотней оборотней, а вот рыжий идиот остался жив. И он теперь взялся помогать Жигановскому.

– Это ты мне кино, что ли, пересказываешь, Евграф?

– Какое кино, Виссарион! Сам на метле с ведьмами летал. Веришь, копыта на ногах отросли! – Сиротин от полноты бушевавших его чувств даже всхлипнул. – А теперь вся эта нечестивая кодла к тебе в Кацапов собирается. Они тут такой шабаш устроят, Виссарион, такое кино, что зарыдает вся Черноземная область.

– Это ты в смысле предвыборной кампании? – Пацаков смотрел на гостя с удивлением. Где-то глубоко в голубых глазах зарождалось подозрение. Похоже, он не верил Евграфу настолько, что, кажется, даже усомнился в его психическом здоровье. А Сиротин так надеялся на трезвый мужицкий ум Виссариона!

– Ты погоди – насчет трезвого ума! – Пацаков бросил взгляд на опорожненную бутылку коньяка. – Я тебе, конечно, верю, Евграф. Все-таки не первый год знаю. Ты мне объясни: они действительно ведьмы, или ты о них фигурально выразился?

– Что значит – выразился?! – аж подпрыгнул в кресле Сиротин. – Собственными глазами видел! Более того – участвовал! А мне все в ответ – шоу, шоу!

– Миша, – обернулся к секретарю Пацаков, – сообрази нам что-нибудь покрепче. Так, я слушаю тебя, Евграф.

Вдохновленный чужим вниманием, Сиротин пустился в подробный пересказ событий, случившихся в Москве месяц назад. Виссарион Дмитриевич слушал с интересом, несколько раз даже сочувственно прицокнул языком, а потом собственноручно поднес разошедшемуся гостю фужер с коньяком. Сиротин выпил почти машинально и тут же почувствовал, что сделал это напрасно. Опьянение было внезапным и тяжким. Мир закрутился под ногами Евграфа, и он рухнул в пустоту. Сквозь подступающее беспмятство до него донесся слабый голос Пацакова:

– Ты его не отравил, случаем, Миша?

– Как можно, Виссарион Дмитриевич, это всего лишь снотворное.

– Заработался человек... – сокрушенно вздохнул Пацаков. – Ты уж проследи, Миша, чтобы его в психбольнице не обидели.

– Я прослежу, Виссарион Дмитриевич, вы не сомневайтесь. Есть у меня знакомый психиатр – и не таким мозги вправлял.

Очнулся Сиротин в небольшом полутемном помещении и не сразу сообразил, где и почему находится. В голове шумело, руки и ноги были словно ватные. Евграф сделал попытку приподняться, но тут же со стоном повалился на кровать. Классическое вроде бы похмелье... Другое дело, что Сиротин никак не мог вспомнить поначалу, где и с кем надрался.

Минут через десять в мозгах наступило некоторое просветление. Проявилась картинка, как он приехал в Кацапов по секретной надобности. Евграф вздохнул было с облегчением, но, увидев решетку на окне, впал в минорное настроение. Память напрочь отказывалась выдать информацию по поводу, возможно, устроенного в пьяном виде дебоша. В конце концов, не могут же человека отправить за решетку просто так, без всякой причины?.. Правда, обстановка вокруг мало походила на тюремную, скорее уж – на больничную палату.

– Где я? – слабым голосом пискнул Евграф, обращаясь в пространство.

Пространство, однако, проявило чуткость к раздавленному зеленым змием Сиротину:

– В психоневродиспансере.

И тут Сиротина озарило во второй раз. Он вспомнил свой разговор с Пацаковым и последний преподнесенный хозяином фужер с коньяком. Виссарион ему не поверил! Посчитал психом!.. Чудовищная близорукость, чреватая тяжелейшими неприятностями для Черноземья!.. Может быть, и прав Жигановский: засиделся Виссарион в уютном кресле, потерял свой знаменитый нюх? Хотя... Справедливости ради надо заметить, что нюх потерял не он один... А может, это сам Сиротин сошел с ума?

От столь вовремя пришедшей в голову мысли Евграф даже приподнялся с постели. Конечно же вся эта ерунда ему только померещилась! Какие, в самом деле, на Земле могут быть инопланетяне?! Наверное, он просто заразился каким-нибудь вирусом от идиота Мышкина и его теперь преследуют видения! И странный голос из ниоткуда – не что иное, как звуковая галлюцинация!..

– Я не галлюцинация... – надвинулось на Сиротина из полумрака незнакомое лицо. – Вы помните Каронга, Евграф Виленович?

Сиротин вздрогнул. Каронга он помнил, хотя и очень хотел забыть. Ему казалось, что уж в психоневродиспансере он надежно защищен от инопланетной нечисти. Похоже, опасных мест на Земле уже не осталось.

Незнакомец потянулся к стоящей на тумбочке рядом с Сиротиным лампе и включил свет. Евграф прикрыл глаза, но лежать в полной темноте было еще страшнее, и он вернулся в окончательно свихнувшийся мир.

– У меня амнезия, – попробовал он словчить.

Ничего ужасающего во внешности незнакомца не было. Самый что ни на есть обычный гражданин. Разве что глаза странно поблескивали. Евграф слегка приободрился и даже попробовал сесть. С помощью незнакомца ему это удалось.

– Давно я здесь?

– По моим сведениям, вас привезли сюда шесть часов назад. К сожалению, я упустил вас в аэропорту. У нас возникли некоторые сложности, а вы так стремительно перемещались по городу, что уследить за вами не представлялось возможным.

– А зачем вы за мной следили?

– Хотел предложить сделку.

– Вам нужна моя бессмертная душа?

– Какая душа? – удивленно вскинул густые брови незнакомец. – Ах, вы об этом... Нет, Евграф Виленович, скупка душ – не наш профиль. На этот счет можете быть совершенно спокойны.

Сиротин еще раз внимательно оглядел незнакомца. Надо признать, что ничего от Мефистофеля в нем действительно не было. Лицо невыразительное, статей небогатырских, худой, а нос и вовсе картошкой. Встретишь такого на улице – даже не обернешься... Каронг, надо признать, выглядел поинтереснее. Была в нем какая-то дьявольщина...

– Мы предлагаем вам миллиард долларов, Евграф Виленович...

Глаза незнакомца странно блеснули, и Сиротин на всякий случай чуть отодвинулся в сторону. «Сокамерник» вполне мог оказаться пациентом клиники, в которую ненароком угодил Сиротин. А что, очень даже просто! Евграф, допустим, бредил во сне, а этот сидел и слушал. Теперь вот несет ахинею, воображая себя черт знает кем! Хорошо хоть не Мефистофелем, а всего лишь инопланетянином...

Спорить с психом Евграф не собирался: себе дороже. Он где-то читал, что психи обладают совершенно невероятной физической силой и им ничего не стоит придушить подвернувшегося под горячую руку человека. Санитаров же поблизости не наблюдалось. Можно, конечно, крикнуть. Но пока услышат, пока прибегут – Евграф вполне успеет отбросить копыта.

– Я согласен, – бодро ответил Сиротин и покосился на закрытую дверь. Он ждал санитаров, но те почему-то не спешили ему на помощь. Самому попробовать добежать до двери? А вдруг она заперта на ключ? Нет, сил для побега пока что маловато. Придется потерпеть, тем более, псих настроен вроде бы мирно. Даже улыбается, глядя на Сиротина явно сумасшедшими глазами.

– Тогда подпишите, и дело сделано.

Откуда незнакомец достал бумагу – Евграф не заметил. Возможно, из рукава широкого балахона, очень отдаленно напоминавшего больничный халат?..

Лист был абсолютно чист с обеих сторон. Сиротин с минуту растерянно вертел его в руках.

– Сумму проставьте сами... – Незнакомец ногтем провел черту в середине листа. – Вот здесь.

– Цифрами или прописью? – на всякий случай поинтересовался Сиротин, у которого не осталось никаких сомнений в психическом нездоровье незнакомца.

– И цифрами, и прописью – так надежнее, – подсказал псих. – И распишитесь в углу.

– Может, отпечаток пальца поставить для верности? – любезно предложил Сиротин.

– Не надо, – отозвался незнакомец, забирая бумагу у Евграфа. – Сойдет и так.

В последний момент Сиротин успел заметить краем глаза, что на бумаге проступили вдруг письмена... Правда, очень может быть, что ему это только показалось. Тем не менее

он все-таки задал незнакомцу вопрос, который, возможно, следовало озвучить значительно раньше:

– А что я должен делать?

– Для начала мы с вами отправимся в небольшой оздоровительный круиз. Отдохнете, подлечитесь, наберетесь впечатлений. И потихоньку войдете в курс своих обязанностей.

– А когда мы отправимся в круиз?

– Прямо сейчас. Все формальности уже улажены.

Сиротин обрадовался. Кажется, близился конец его заточению в компании с психом. Только бы вырваться из этой комнаты, а уж там он найдет способ, как сдать буйного санитарам. Пора уже заявить о себе, как о совершенно нормальном человеке, случайно угодившем в профильное заведение. Не век же ему здесь куковать.

– Возьмите меня за руку, – сказал незнакомец, – и ничего не бойтесь.

Сиротин с охотой последовал совету, поскольку с похмелья его слегка покачивало и ноги плохо держали отяжелевшее после сладкого сна тело. Вдруг совершенно исчез свет. Заурчало в желудке, и тошнота подступила к горлу – как будто кто-то неосторожно перевернул его с ног на голову. Ощущение напугало до смерти, и он попытался истошно завопить: «Санитары!..» – Но к ужасу не услышал собственного голоса.

Свет вспыхнул, когда Евграф решил, что пришел его смертный час. Было ли это возвращением к жизни – он так и не понял.

...Помещение, в котором он оказался, менее всего напоминало больничный коридор. Огромный зал, отделанный то ли мрамором, то ли очень похожим на него камнем. Все отдаленно походило на остановку московского метрополитена – во всяком случае размерами, – но служило для каких-то иных, непонятных Сиротину целей. Евграф собрался закричать от ужаса, но потом передумал. Кричать было абсолютно бессмысленно, поскольку санитары в этом зале не могли находиться по определению. Шлепанцы куда-то пропали. На холодном полу Евграф невольно переступил с ноги на ногу.

– А это что такое? – показал он пальцем на рисунок.

– Пентаграмма, – охотно отозвался незнакомец.

– А где мы находимся? На вокзале?

– Можно сказать и так... – усмехнулся незнакомец, после нелепого двухминутного стояния на одном месте наконец двинувшийся вперед. – Ничего плохого с вами не случится, Евграф Виленович. Не пугайтесь.

Со своим предупреждением бывший псих запоздал, поскольку как раз в этот момент Сиротин не просто испугался, а буквально заверещал от ужаса. Да и кто бы остался спокоен, созерцая стоящих вдоль стен существ с поднятыми не то для рубки, не то для приветствия мечами в руках? Тела у них были вполне человеческими, зато морды настолько откровенно лягушачьи, что Евграфа от их вида затрясло.

– Это жабовидные пщакки, – пояснил незнакомец таким тоном, словно чудища были если не братьями его родными, то во всяком случае хорошими знакомыми или добрыми соседями.

Евграф на всякий случай ущипнул себя за ляжку. И обнаружил две неприятные вещи: во-первых, он не спал – щипок получился настолько чувствительным, что разбудил бы и покойника; во-вторых, он потерял не только шлепанцы, но и одежду. Всю! До нитки!

Голым, однако, был и незнакомец. Осмотрев его украдкой, Евграф пришел к выводу, что имеет дело все-таки с человеком. Во всяком случае необходимые детали имелись в наличии. Открытие странно его утешило. Он слегка успокоился и начал – хоть и медленно – сообщать.

Не приходилось сомневаться, что он оказался во Внеземелье, – хотя бы потому, что на Земле ничего подобного не строят. Будь Сиротин таким же дураком, как Жигановский или

Казюкевич, он непременно закатил бы сейчас истерику или стал бы самого себя убеждать, что имеет дело с фокусниками, экстрасенсами или иными «шутниками»... Но у Евграфа хватило мужества взглянуть горькой правде в глаза. Тем более что он об этой правде догадывался и раньше, оказавшись чуть ли не единственным трезвомыслящим человеком на Земле.

Правда, это трезвомыслие завело его очень далеко – так далеко, что никому из фантазеров и не снилось... Единственным утешением служило то, что он все-таки не сошел с ума – как подумалось сначала в больничной палате. Слабое, конечно, утешение, поскольку он вполне еще мог двинуться по фазе при созерцании чудес неведомого мира...

Сиротин на всякий случай пытался запомнить дорогу, хотя и понятия не имел, зачем ему это нужно. Допустим, он не заблудится в огромном дворце и доберется до зала с пентаграммой, ну и что с того? На Землю-то он в любом случае не попадет!..

Только тут Сиротин покрылся липким холодным потом. Ему вдруг пришло в голову, что он напрасно подмахнул проклятую бумагу. Не удосужившись, между прочим, даже заглянуть в текст!.. Хотя вина его в том не выглядела чрезмерной: бумага казалась действительно чистой... Тем не менее было очевидно, что он взял на себя какие-то обязательства. Знать бы еще – какие?.. Слегка грела душу мысль, что он все же получит за свои труды миллиард долларов. Во всяком случае, имелись все основания полагать, что его новые партнеры – не межзвездные кидалы, а солидные люди с большими средствами и неограниченными возможностями. Сиротин затруднился бы ответить, кто из земных миллиардеров способен был позволить себе отгрохать столь уникальный дворец, напичканный золотом и драгоценностями так, что у Евграфа с непривычки в глазах рябило.

– Неужели из чистого золота? – спросил Сиротин у инопланетянина, разглядывая представленных в нишах диковинных аполлонов, которые далеко не всегда напоминали земных. Из этого Сиротин, между прочим, заключил, что жизнь во Вселенной гораздо разнообразнее, чем можно себе представить. Среди статуй попадались и такие, рядом с которыми даже виденные Евграфом жабовидные пщакки выглядели писаными красавцами.

– Пришли, – сказал незнакомец, открывая дверь в относительно небольшую комнату, довольно скромно по местным меркам обставленную, в которой, кроме шикарного ложа под бардовым балдахином, стояли еще два кресла, отдаленно напоминавшие земные, но сделанные из кости.

– Простите, – обернулся к инопланетянину Сиротин, – а как мне вас называть?

– Зовите меня Найком. Имя, конечно, не совсем привычное для земного уха, но тут уж ничего не попишешь.

Найк так Найк – вполне пристойно и даже легко произносимо...

Сиротин за время путешествия по чужому замку уже немного свыкся с новым положением. Ну, Внеземелье, ну, незнакомый мир – что с того?.. В юности Евграфу и Западная Европа казалась заповедной стороной. Об Америке и речи никто не заводил!.. Ничего, потерпелись, свыклись – теперь в Нью-Йорк летаем чаще, чем в Кацапов родимый!..

Найк то ли пальцами щелкнул, то ли нажал на невидимую кнопку – ложе под балдахином плавно сдвинулось в сторону и растворилось в стене, а на его месте появился небольшой бассейн с чистой голубоватой водой.

– Прямо скажу, поселили мы вас не в хоромах... – словно извиняясь, сказал Найк. – Но ведь и заслуг перед орденом у вас пока нет.

– Я не в претензии! – замахал руками Евграф. – Мне здесь очень нравится. А бассейном можно воспользоваться?

– Разумеется.

С наслаждением плескаясь в бассейне, Сиротин мучительно раздумывал, как без особых потерь выкрутиться из ситуации, в которую он неожиданно попал. Чего доброго, от него потребуют предать земную цивилизацию!.. Идти во вселенские коллаборационисты –

даже за миллиард долларов! – Евграфу не хотелось... В крайнем случае, исключительно для спасения собственной жизни – он согласен был стать агентом влияния неведомых и явно могущественных сил.

Предложенная заботливым Найком одежда Евграфу понравилась: удобная и не слишком отличалась от земной. Наряд включал в себя обтягивающие икры штаны и черную рубашу с широкими рукавами. Был еще короткий плащ с капюшоном – тоже траурного черного цвета. Его Сиротин примерять не стал.

Комната попалась теплая, даже, пожалуй, жарковатая, что особенно ощущалось после выпитого зеленоватого напитка – скорее всего спиртосодержащего. Во всяком случае, питье вызвало легкое головокружение. Ел и пил Евграф без опаски: травить его явно не было смысла – ну хотя бы потому, что никакой вины перед инопланетянами за ним пока не числилось.

– Я так понимаю, вы планируете использовать меня на Земле? – осторожно спросил Евграф, пытаясь хоть как-то развеять сгустившийся вокруг его скромной персоны туман.

– Конечно... – не стал наводить тень на плетень Найк. – А мне нравится ваше спокойствие, Евграф Виленович. Обычно земляне очень нервно реагируют на перемену обстановки. Некоторые, представьте себе, кричат и плачут еще до применения к ним специфических методов воздействия.

– Вы имеете в виду пытки? – насторожился Сиротин.

– Физическое устрашение мы используем крайне редко. Незачем. Легкое магическое заклятие – и у вас, дорогой Евграф, начнется неудержимый словесный понос. Кроме того, практикуются кратковременные метаморфозы, которые быстро излечивают наших подопечных от гордыни. Кому, согласитесь, понравится доживать век в шкуре земного осла, арнаутской гигантской жабы или разжиревшей на падали дельфионской крысы?

Сиротин с трудом проглотил застрявший в горле ком плохо прожеванного мяса и поспешно отхлебнул из вместительного золотого кубка. Конечно, он понимал, что его банально запугивают, однако сомневаться в том, что улыбчивый Найк вполне способен выполнить свои угрозы, не приходилось. О новом, внезапно вторгшемся в его жизнь мире Сиротин знал пока немного, но и известного вполне хватало, чтобы обмирать от ужаса под взглядом серых прищуренных глаз Найка.

– Вы ведь, кажется, большой любитель экзотических зрелищ, господин Сиротин? Надо признать, что Земля в этом смысле место довольно занятное, но, прямо скажем, не уникальное. Вы какие зрелища предпочитаете, Евграф Виленович: эротические, кровавые или магические?

– Эротические, – быстро отозвался Сиротин. – Кровавые после сытного обеда – пожалуй, слишком большое потрясение для пищевода.

– Ну, не знаю... – задумчиво проговорил Найк. – Когда совокупляются мохнатые девятиножки с Кандоуры, то зрелище способно подорвать любую нервную систему – даже такую устойчивую, как у вас. А уж брачные игры сиенских остроухов и вовсе порой заканчиваются трагически для любопытствующих. Войдя в раж, они вовлекают в процесс и зрителей, не считаясь с их желаниями.

– Я не совсем это имел в виду, – робко поправился Евграф.

– Тогда остается магия... – развел руками Найк. – Лично я могу порекомендовать вам поединок сигойских колдунов. Уровень, конечно, провинциальный, но на неискушенных производит впечатление.

– А это не опасно? – на всякий случай полюбопытствовал Сиротин.

– Безопасность зрителей гарантируется устроителями, хотя бывают издержки. Человеческая жизнь – сосуд хрупкий. Но вы не пугайтесь, Евграф Виленович, я буду рядом и постараюсь минимизировать негативный эффект.

Будь на то воля Сиротина, он, конечно, на поединок сигойских магов не пошел бы. К сожалению, выбора у него не было. В том смысле, что брачные игры сиенских остроухов привлекали его еще меньше.

Заботливый Найк порекомендовал Евграфу набросить на плечи плащ, ибо погода на Арбидоне ветреная и есть опасность подхватить простуду на местной арене, оборудованной явно не для приятного времяпрепровождения.

К немалому удивлению и огорчению Сиротина, на спектакль они отправились в самой обычной карете— как какие-нибудь вельможи века восемнадцатого или девятнадцатого. И лошади их везли самые обычные. Не говоря уже о кучере, который чем-то даже смахивал на таксиста рязанской национальности, возившего Евграфа по городу Кацапову.

— Арбидон — на редкость отсталая планета,— кивнул головой Найк.— Если бы не наше здесь благотворное присутствие, то местные обыватели наверняка деградировали бы до полного безобразия.

Сиротину, однако, не показалось, что присутствие на планете коллег Найка так уж безоговорочно благотворно для арбидонцев. Чем дальше они отъезжали от стен огромного замка, горой возвышавшегося над приземистым городом, тем меньше становилось дружеских взглядов, обращенных в сторону кареты, дверцы которой украшало изображение золотистого скорпиона.

— Десять лет назад Арбидон входил в империю гельфов. Лишь благодаря усилиям ордена удалось хоть как-то цивилизовать эту планету.

Евграф дипломатично промолчал. Для него Внеземелье было темным лесом, где за каждым деревом чудилась разинутая пасть монстра. И хотя большинство арбидонцев составляли люди, но среди них в значительном количестве попадались и иные особи — по преимуществу двуногие, вроде уже виденных Сиротиным в замке жабовидных пщак.

Особенно не понравились Евграфу волосатые существа, весьма напоминавшие земных горилл, которые вели себя еще хуже жабовидных пщак, постоянно указывая пришибленным арбидонцам, кто в их доме хозяин. Судя по знакам на синих и зеленых плащах, пщак и волосатые обезьяны принадлежали к ордену Золотого Скорпиона. Вероятно, именно этим объяснялось их вызывающее поведение. Но к Найку и Сиротину, на плечах которых красовались черные орденские плащи, существа относились с подобострастием.

Выйдя из кареты, Найк накиннул на голову капюшон с прорезями для глаз. Евграф последовал его примеру, тем самым сильно ограничив себе обзор. Впрочем, никаких неудобств это ему не доставило, поскольку не менее десятка услужливых рук поддерживали их с Найком на пути к ложе, предназначенной для почетных гостей. Трибуны для обычных посетителей располагались чуть ниже — вокруг довольно приличных размеров арены. Все сооружение напоминало стадион для проведения футбольных матчей. Правда, арену не украшала веселая травка, вместо которой повсюду валялся серый камень.

Свободных мест хватало, но народ все прибывал. У большинства приходящих выражения лица были далеко не радостными. С некоторым удивлением и опаской Сиротин заметил, что коренные арбидонцы занимают преимущественно первые ряды амфитеатра, тогда как их господа предпочитают размещаться как можно дальше от арены. Отсюда он заключил, что зрелище, скорее всего, будет небезопасным. Сам Сиротин сидел с Найком в почетной ложе чуть ли не на самом верху в окружении таких омерзительных рож, от которых он в любом случае желал бы держаться в стороне.

— А вы расист, батенька! — с кривой усмешкой сказал ему Найк.— Жизнь во Вселенной многообразна; надо принимать ее такой, какая она есть. И под мохнатой шкурой монстра может биться доброе сердце. Относительно доброе, конечно... Вы слышали, Евграф, что все в мире относительно?

– Слышал, – подтвердил Сиротин, но симпатиями к волосатым монстрам все-таки не проникся.

На арене загнусабили волынки, протопали, поднимая пыль, десятка полтора музыкантов, закружились в танце пестро разодетые люди, привлекая внимание почтенной публики. Начало сильно смахивало на праздник Урожая в отдаленном районе Черноземной области. Евграф было приготовился узреть вручение подарков отличившимся на уборке механизаторам, как музыкантов и танцоров словно ветром сдуло с арены.

Сигойские колдуны, вышедшие им на смену, особенного впечатления на Евграфа не произвели. Отметил он разве что изображения золотых скорпионов на длинных балахонах, болтавшихся на тщедушных телах.

Бойцы начали свой спор вяло, вызвав свист и насмешливые выкрики с трибун. Наконец зеленый балахон, раздраженный неуступчивостью оппонента в желтом, поднял руку, из которой вдруг сверкнула молния, с шипением пронзившая воздух. Евграф даже вскрикнул от неожиданности – и оказался единственным, на кого жест зеленого колдуна произвел впечатление.

«Желтый» ответил не менее эффектно. Две молнии сплелись в огненный клубок и ударили в арену, из которой вдруг проросли – иного слова Сиротин подобрать не смог – две огромные змеи, с шипением разинувшие на публику гигантские пасти.

Евграф хоть и сидел довольно далеко от места событий, струхнул не на шутку. Из первых рядов, где расположились арбидонцы, послышались вопли ужаса. Впрочем, змеи тут же исчезли в огненном вихре, поднятом сигойскими колдунами. Последние вдруг стали увеличиваться в размерах, угрожающе поигрывая устрашающими мускулами, проступавшими через раздираемую с треском одежду. Глядя на сошедшихся в смертельном поединке суператлетов, Сиротин только ахал да головой качал. Зрелище было почище голливудских боевиков, к коим он питал известную слабость.

И вновь зрители свистом выразили свое недовольство, что заставило колдунов подсушиться и стремительно трансформироваться в совершенно неприличных существ с такими чудовищными мордами, что Евграф не сразу нашел, с чем бы их сравнить. То была дикая мешанина из острых, гнутых клыков, костяных пластин, словно броня облежавших чудовищные по мощи тела, и длинных, розовых до отвращения языков, которые то и дело вываливались из истекавших слюной пастей. Размерами монстры скоро превзошли слонов, явно претендуя на роль динозавров. Живых динозавров Евграф, конечно, не видел, но кое-какое представление о них имел.

Самым интересным было то, что, меняя облик, колдуны умудрялись сохра п аа нять выбранный ими цвет. Во всяком случае, на одном из монстров пластины отливали синевой, а на другом – желтизной.

Рев, который издавали эти твари, заставлял опасно вибрировать сиротинские барабанные перепонки. Ярость соперников не знала предела. Кровь хлестала фонтанами, а куски вырываемого из гигантских туш мяса ошметками летели на трибуны, повергая несчастных арбидонцев в ужас.

Сиротину вдруг пришло в голову, что жители оккупированной планеты оказались тут в роли зрителей далеко не добровольно, но использовались в качестве живой защиты между расходившимися колдунами и истинными ценителями борьбы, расположившимися на верхних ярусах.

Очумевшие от взаимной ненависти монстры подустали, видимо, терзать друг друга и направили горящие взоры на несчастных арбидонцев. Клыки защелкали в зрительных рядах – под вопли пожираемых и улюлюканье ценителей. Сиротин в ужасе закрыл глаза, но тут в воздухе что-то просвистело, отчетливо запахло паленым мясом. По стадиону пронесся вздох

то ли облегчения, то ли разочарования. Приоткрыв один глаз, Евграф увидел, как на арену падают охваченные пламенем туши, корчась в предсмертных судорогах.

– Увлечлись, – равнодушно прокомментировал Найк. – С сигойцами вечно случаются скверные истории, оттого их и не любят в ордене. Зато пшачи и рески от них без ума.

Евграф поднялся на подрагивавшие ноги и вяло потрусил следом за энергично шагавшим Найком, стараясь не смотреть на растерзанные тела несчастных арбидонцев, оказавшихся на свою беду вблизи от разъяренных монстров. Видимо, в этом жутковатом поединке предполагалось все же участие рефери: кто-то ведь расправился с озверевшими колдунами, лишив их не только надежды на победу, но и жизни.

Сиротин со страхом покосился на обгоревшие останки, валявшиеся на арене. Найк тем временем любезно приветствовал одетого в черный плащ человека, лица которого не было видно из-за опущенного капюшона. В прорезях посверкивали черные глаза, напугавшие Евграфа не меньше, чем только что увиденная кровавая драма. Судя по всему, это и был судья, прервавший поединок в самом апогее.

– Понравилось? – вежливо спросил Найк у спутника, удобно размещаясь в карете.

– М-мм... – неразборчиво промычал Сиротин, не рискуя нелицеприятным ответом огорчить любезного хозяина, обеспокоенного досугом гостя. – А из-за чего они так ожесточенно дрались?

– А кто их поймет, сигойцев? – пожал плечами Найк. – Синие и желтые кланы у них всегда враждуют – как кошки с собаками. Командор ордена запретил магические поединки на Сигое во избежание полного взаимного уничтожения, но одновременно разрешил потешать почтенную публику на других планетах. Сигойцы – одни из самых верных адептов нашего ордена; было бы неразумно слишком уж их озлоблять... Правда, магическая сила их невелика и весьма специфична. Тысячелетия междуклановой борьбы сформировали вид боевой магии, опасный нередко не только для врагов, но и для друзей. Чему вы и стали свидетелем, дорогой Евграф. Справедливости ради надо заметить, что сигойцы отнюдь не самые свирепые обитатели темных миров.

Сиротину вдруг захотелось на Землю. То есть домой ему хотелось давно, но сейчас почему-то особенно. В конце концов, его никогда не манили звездные дали. Ему еще в юные годы сказали, что таких не берут в космонавты, и он тогда ничуть не огорчился, предпочтя обделять свои делишки на Земле... И надо же такому горю случиться: именно ему выпала «неслыханная честь» чуть ли не первому из землян оказаться на чужой планете! Чтoб ей пусто было!.. К сожалению, обитатели Внеземелья, похоже, горели неукротимым желанием заключить его родную планету в свои волосатые объятия...

3

Планета Альдеборан. Замок Лорк-Ней. Рассказывает его высочество Алекс Оливийский, наследный принц паррийской короны, командир первого легиона пограничной стражи Светлого круга

Мне никогда не нравился замок Лорк-Ней. Быть может, потому, что с ним связано много грустных историй, а одна и вовсе трагическая. Именно здесь был убит мой предок князь Феликс Тимерийский, преданный одним из ближайших своих друзей. Тогда наш клан истребили почти полностью...

Дело это давнее. Замок, в конце концов, восстановили, но меня не покидает ощущение, что дух предательства тут все-таки остался... Говорят, что кентавры живут почти тысячу лет. Возможно, где-то там, на далекой Кентаврии, посевший мерин Семерлинг, один из свидетелей преступления, еще хранит в памяти подробности гибели обитателей Лорк-Нея и десяти тысяч жителей планеты Альдеборан, подчистую вырезанных жабовидными пщакками...

Но у меня нет ни малейшего желания копаться в этой страшной истории. У командира первого легиона пограничной стражи и других дел по горло. Например, настораживают вести, пришедшие из Высшего Совета Светлого круга. Наконец-то и там озаботились деятельностью ордена Золотого Скорпиона. Хотя решение следовало бы принять сразу после того, как черные маги захватили приграничную планету Гельфийской империи Арбидон.

Конечно, гельфийцы не принадлежат к Светлому кругу. В последние годы наши с ними отношения сильно испортились, но при этом все же не следует забывать, что гельфийцы – единственная (или почти единственная) человеческая цивилизация, расположенная чуть ли не в центре Темного круга. Негоже было бросать их на растерзание инопланетных монстров...

Сиринец Аббудала Ках, доставивший мне послание Высшего Совета, задумчиво рассматривал стены парадного зала замка Лорк-Ней, расписанные в свое время знаменитым мастером Азетой, который, к слову, родом происходил тоже с Сирина.

– Я все-таки не понял, достойнейший магистр, почему Высший Совет решил не отзываться с Земли моего брата Ника Арамийского?

– Извините, ваше высочество, но я не уполномочен комментировать решения Высшего Совета, – грустно глянул на меня Аббудала Ках. – В частном порядке могу сказать: я потратил массу усилий, чтобы переубедить собрание просвещеннейших сенаторов, но, увы, они так и остались при своем мнении.

– А вы информировали Высший Совет об активности черных магов на Земле?

– Разумеется, ваше высочество. Кроме того, ваш брат Вик Немирийский доложил членам Совета о предотвращенной попытке прорыва нечисти на эту планету.

– И что же решили просвещеннейшие?

– Просвещеннейшие решили, что в данных обстоятельствах молодой Герой лучше старого магистра справится с чрезвычайной ситуацией, складывающейся на Земле. Справедливости ради следует заметить, что ваш брат, к немалому моему удивлению, с необычайной легкостью адаптировался на этой достаточно непростой планете, даже несмотря на очевидные пробелы в подготовке, за которые уже объявлен выговор руководителю Школы резидентов почтеннейшему Сиреоку...

В том, что Ник нигде не пропадет, я как раз несколько не сомневался. Он еще и умудрился жениться на Земле, что делало его положение там особенно устойчивым. Так что решение Высшего Совета, возможно, было обоснованным, хотя оно, кажется, не на шутку огорчило достойнейшего магистра.

– Высший Совет считает, что с орденом Золотого Скорпиона следует бороться в местах его наибольшего влияния, нанося ему точечные и чувствительные удары. Эта миссия возложена на вас, принц Алекс, а мне поручено оказывать вам посильную помощь...

Ну, спасибо просвещеннейшим – удружили! Мало мне проблем по охране границы, так я теперь должен мотаться по планетам Темного круга в поисках черных магов, которые славятся своей способностью замечать следы!.. В конце концов, Алекс Оливийский – Герой, а не полицейская ищейка с планеты Гремийон! Темный круг – не место для прогулок. Рассчитывать там можно разве что на помощь гельфов, но вряд ли она будет активной. Черные маги чрезвычайно влиятельны практически на всех тамошних планетах, и гельфийцам несподручно ссориться с соседями. Слишком велик риск быть стертыми в порошок негуманоидными цивилизациями.

– Высший Совет Светлого круга очень хорошо понимает деликатность вашей миссии, принц Алекс, и предостерегает от чрезвычайного усердия на этом поприще. Не забывайте, что Светлый круг заключил целый ряд договоров с негуманоидными расами и никак не заинтересован в том, чтобы хрупкий мир сменился вселенской ссорой...

Я так и знал! Это вполне в духе Высшего Совета – отправить человека в пекло, предварительно связав его инструкциями по рукам и ногам!.. Как, скажите на милость, можно бороться с черными магами, которые оплели паучьей сетью все планеты Темного круга, не тревожа при этом их союзников?! Не надо требовать от меня невозможного! Я всего лишь солдат! Я готов разрушить осиное гнездо, свитое орденом на Арбидоне, – вот, пожалуй, и все, что можно сделать при данных обстоятельствах!..

– К сожалению, этого слишком мало, ваше высочество. Арбидон – всего лишь перевалочная база, форпост черных магов, контролирующих не менее сотни планет. Потревожив их на Арбидоне, мы ничего не добьемся – только расшевелим гадюшник. Думаю, прежде всего мы должны выяснить их цели, выявить основные базы и лишь потом действовать.

Совет был, конечно, дельный. В опытности сирийского магистра, прошедшего десятки лет на чужих планетах, сомневаться не приходилось. Сомневался я как раз в самом себе – в своем умении вести многоходовые игры с изощренным и чрезвычайно коварным противником...

По слухам, штаб-квартира ордена находилась на Деире. Но это опять же – по слухам... Планета Деира расположена на окраине старой гельфийской дороги. В последнее время путь туда наглухо заблокирован. Вот вам и косвенное подтверждение того, что на Деире творится неладное...

Вообще-то обитателей Светлого круга на планетах круга Темного не слишком жалуют, да мы туда не очень-то и стремимся, ограничиваясь контактами с Гельфийской империей. С недавних пор и здесь стали возникать трудности. Похоже, на гельфийцев кто-то сильно давит. Вероятнее всего – именно черные маги. И то, что воинственные гельфийцы безропотно отдали ордену планету Арбидон, сведущим людям говорит о многом...

– Ваш батюшка король Алекс просил передать вот этот перстень... – сириец приподнялся с кресла и протянул мне фамильную драгоценность.

Перстень, прямо скажу, не поражае изысканностью работы. Оправа была не золотой, а серебряной, что же касается камня – черный, как кусок смолы... Меня подарок удивил. Видимо поэтому сириец счел своим долгом дать пояснения:

– Согласно легенде этот перстень принадлежал вашему прадеду князю Андрею Тимерийскому – очень странному человеку. Настолько странному, что в Высшем Совете неодно-

кратно обсуждался вопрос о его... как бы это помягче выразиться... устранении. Я понимаю, что в это трудно поверить, но мне как-то посчастливилось прочитать заметки соотечественника – известнейшего сирийского магистра, просвещеннейшего Пигала. Должен вам сказать, ваше высочество, что вашего предка далеко не случайно называли проклятым князем... Спасло Тимерийского только то, что его деятельность протекала вдали от Светлого круга и была чрезвычайно полезна нашему миру, хотя и крайне рискованна. Вы, разумеется, знаете, что именно князь Тимерийский открыл Дорогу гильфов, но, видимо, не в курсе, куда она его в конце концов привела.

– И куда же? – спросил я, чрезвычайно заинтригованный рассказом.

– В Черную плазму – логово Сагкхов.

– Да вы с ума сошли, магистр! – Я настолько резко поднялся со своего места, что Аббу-дала Ках невольно отшатнулся. Кажется, сиринец вообразил, что я собираюсь его ударить. Разумеется, ничего подобного я и в мыслях не держал. Хотя оскорбление, которое он нанес нашей семье, требовало серьезного спроса.

– Клянусь, ваше высочество, что я и в мыслях не держал ничего худого, пересказывая вам записки своего соотечественника, которые, к слову, находятся в главном хранилище сирийской мысли и доступны лишь избранным. К тому же я ведь не сказал, что ваш прадед попал в Черную плазму. Отнюдь нет! Он остановился у самого порога... Более того, просвещеннейший Пигал считал, что тем самым сиятельный князь спас и человеческую цивилизацию, и всю Вселенную от больших неприятностей, а возможно даже от гибели...

О своем предке Андрее Тимерийском я знал многое, но далеко не все. В частности, я слышал и о его странных отношениях с младенцем Сагкхом, неизвестными путями попавшим в наш мир... Впрочем, эта история официально считалась мифом, легендой, чем-то абсолютно несерьезным и не имеющим к реальности никакого отношения.

– Перстень как-то связан с Сагкхом? – пристально глянул я на Аббудалу Каха.

– Это его слеза... Честно скажу: не знаю, как он действует... Возможно, этого не знает и ваш отец – иначе он дал бы мне на этот счет какие-то инструкции. Но подарок Сагкха был. Во всяком случае, так утверждает Пигал Сирийский, умалчивая – и далеко не случайно, – что он собой представлял. Просвещеннейший Пигал вообще многое скрывал... Со своей стороны, я попытался навести кое-какие справки у старейших членов Высшего Совета по поводу дара Сагкха, но встретил такой ледяной прием, что у меня надолго пропала охота заикаться об этом. Собственно, и на Землю я отправился только за тем, чтобы узнать хоть что-то об интересующем меня предмете.

– А почему именно на Землю?

Сиринец ответил не сразу. Он сделал несколько глотков превосходного альдеборанского вина, откинулся на спинку удобного кресла и настороженно глянул на меня из-под морщинистых век.

– Я бы не хотел, ваше высочество, неосторожным словом затронуть ваши чувства. Молодости свойственна горячность. Далеко не всякая раскрытая тайна является бальзамом для души.

– Вы, достойнейший, кажется, намекаете на мое происхождение?

– Вот видите, принц Алекс, и до вас доходили неприятные слухи. Хотя, в сущности, ничего неприятного, а уж тем более оскорбительного в факте, породившем эти слухи, ни для вас, ни для вашей матушки нет.

– Но ведь Земля – особая планета, насколько я знаю, и связанными с нею парадоксами никого на Парре не удивишь?

– Да, конечно... – мрачно кивнул головой магистр. – Ну, а если я скажу, что никаких парадоксов нет или что они вдруг исчезли в один прекрасный момент, – как вы на это отреагируете, мой юный друг?

– Вы говорите загадками, магистр. Я знаю, что моя мать родилась на Земле за тысячу лет до нынешнего реального земного времени, ну и что с того?

– Ничего, принц Алекс. Скажу больше: ваши батюшка и матушка и потом неоднократно посещали Землю. Об их путешествиях вы наверняка знаете лучше меня.

– Но ведь все паррийцы путешествуют по планетам Светлого круга! Я вас не понимаю, магистр!

– В пространстве, ваше высочество, действительно путешествуют все. Но никому не удавалось управлять временем. Кроме вашего отца – короля Алекса Седьмого. Конечно, несовпадения во времени возникают иногда. Искажения порой бывают весьма существенными. Случалось даже, что люди просто терялись во времени. Отправлялись на соседнюю планету юношами, а попадали туда глубокими старцами. Но все эти временные парадоксы не имеют никакого отношения к планете Земля. Вы, наверное, обратили внимание, ваше высочество, чем Земля отличается от других планет?

– Допустим. Там не применяют магии – во всяком случае в основном мире. Но ведь есть же и параллельный. Я имею в виду того же Кощя, с которым мне, правда, встретиться не довелось.

– Ваш батюшка – король Алекс Седьмой – изменил историю Земли. Тысячу, а может быть, и более лет тому назад. И потом еще несколько раз корректировал ее течение.

– Но это же абсурд, достойнейший магистр, это же просто невозможно!

Мне, честно говоря, показалось, что сиринец просто сошел с ума. Все, что он приписывал моему отцу, просто не под силу человеку, каким бы Героем он ни был. Это доступно разве что Творцу...

– Или Сагкху... – дополнил с кривой улыбкой Аббудала Ках и, увидев мою реакцию, поспешно добавил: – Я считаю, что король Алекс Седьмой воспользовался даром, который получил от своего дружка из Черной плазмы ваш прадедушка. И сделал он это, скорее всего, по поручению Высшего Совета. Вот почему эти старые мухоморы так испуганно молчат, когда дело заходит о Земле. Именно потому опытный Сиреок так нелепо ошибся, обучая вашего брата Ника. Он просто упустил из виду, что имеет дело с планетой, где время течет быстрее, чем на других объектах Светлого круга. Впрочем, корректировка, кажется, уже закончилась, и Земля сделалась предметом изучения сомнительных личностей из Темного круга. Вы знаете, принц Алекс, меня на Земле сразу удивило одно обстоятельство: земляне имеют как бы две истории. Одна из них – та, где действуют Герои, маги и колдуны, – тамошние аборигены называют ее сказкой; другая – тщательно очищена от упоминаний о магии, словно бы стерилизована чьей-то опытной рукой.

– Но зачем это понадобилось моему отцу и Высшему Совету? Согласитесь, достойнейший, их действия вполне можно назвать преступными, направленными против целой планеты.

– Именно поэтому ни члены Высшего Совета, ни ваш отец, принц Алекс, никогда не признаются в том, что совершили двадцать один год назад. Я не знаю, как им это удалось, но уверен: сделали они все с помощью дара Сагкха. Разумеется, на то были очень веские причины. Настолько веские, что Высший Совет закрыл глаза на возможные последствия для Земли.

– Хотите сказать, что Земле грозила катастрофа?

– Боюсь, что катастрофа грозила не только ей, но и всем нам, ваше высочество. Ведь для Сагкхов не существует проблемы Времени – оно им подчиняется, как и Пространство. Упомянутый в связи с вашим прадедушкой Сагкх прятался на Земле, и его пребывание там не могло остаться для планеты без последствий. Очень может быть, что он нарушил плавное течение жизни – даже без всякого злого умысла, а просто в силу чужеродности своей нашему

миру, но потом решил исправить ошибку с помощью своего друга Андрея Тимерийского. В конечном итоге ту ошибку удалось скорректировать только вашему батюшке.

– Значит, по-вашему, черные маги ищут на Земле дар Сагкха, достойнейший магистр?

– Они ничего не найдут. Однако на Земле остался еще след Сагкха, и вполне вероятно, что орден ищет именно его, чтобы вернуть течение жизни в проложенное Сагкхом русло.

– Я все-таки не понимаю, достойнейший Аббудала, как можно найти то, чего уже нет, что уже умерло или исчезло из нашего мира?

– Ничто не исчезает без следа, ваше высочество. Я, например, не уверен, что ваша и ваших братьев серебряные стрелы случайно попали на Землю, как не уверен в случайности сделанного стрелами выбора.

– Предрассудки, магистр... – поморщился я. – Как вы с вашим умом и знаниями можете верить в предначертание судьбы, да еще в столь нелепом виде, как серебряная стрела? Я, конечно, чту обычаи своего племени, но оставляю свободу выбора за собой. Я не пускал свою стрелу на Землю, достойнейший магистр, я просто последовал за братьями, чтобы они не натворили там глупостей. Правда, мне пришлось использовать стрелу, но не по назначению.

– Ваша стрела вернулась к вам?

– Да. Но я не собираюсь жениться, магистр.

– Это, разумеется, ваше право, принц Алекс... А почему бы вам все-таки не запустить стрелу на Землю и не посмотреть, что из этого получится? Исходя из вашей теории, вы ничем не рискуете.

– Я подумаю над вашим предложением, достойнейший магистр...

Мне действительно было над чем подумать. История с черными магами, которую я считал обычной досаднейшей помехой, вдруг стала претендовать на роль главного события в жизни нашей семьи!.. Конечно, не очень-то приятно щекотливые подробности из жизни родителей узнать от постороннего человека. В конце концов, я давно уже не младенец, я наследник паррийской короны и вправе, кажется, рассчитывать на большую откровенность со стороны родного отца и короля!..

Я надел на палец переданный мне сирийским магистром перстень и посмотрел его на свет. Ничего магического или таинственного не увидел. Простенькая серебряная оправка и совершенно невзрачный камень... Такие перстни носят пастухи на Сиене, а не особы королевской крови с планеты Парра. Но не станешь же отвергать дар отца, который по совместительству еще и твой государь!

– Как вы смотрите на то, чтобы составить мне компанию для прогулки на Арбидон, достойнейший магистр?

– Это рискованное предприятие, ваше высочество, и я должен был бы вас предостеречь, но в силу серьезности создавшегося положения делать этого не буду. Я согласен.

Мне приходилось бывать на Арбидоне, правда, довольно давно – почти десять лет назад, когда планета еще входила в состав империи гелфов. Это был официальный визит, обставленный с подобающей пышностью. Разумеется, никаких переговоров я не вел, поскольку мне только-только исполнилось тогда двенадцать лет, и все свои обязанности я переложил на члена Высшего Совета и канцлера паррийского королевства просвещеннейшего Кейта. Помнится, мы славно провели время с наследником гелфийской имперской короны Андреем Вефалийским, которому в то время стукнуло тринадцать и который за год до того стал императором. К слову, среди его предков тоже числился небезызвестный Андрей Тимерийский, так что принц Вефалийский доводился мне троюродным братом. Тогда он не показался мне рохлей, потому и непонятно, по какой причине он безропотно уступил одну из своих планет черным магам.

Мы с магистром решили не пользоваться старой гельфийской дорогой – по той простой причине, что она наверняка в этом районе Вселенной контролировалась черными магами. А собирались попасть на планету инкогнито, дабы не обременять хлопотами новоявленных хозяев.

При переходе через время и пространство есть лишь одно, но весьма существенное неудобство: к сожалению, не удастся пронести одежду. Вы оказываетесь совершенно голым на чужой планете, и вам волей-неволей приходится искать выход из создавшегося положения. Однако мне повезло со спутником.

Достойнейший Аббудала Ках неоднократно бывал в молодые годы на Арбидоне и приобрел массу друзей в здешних научных кругах. Сиринцы, благодаря своей общительности и учености, пользуются большим уважением не только на планетах Светлого круга, но и в круге Темном. Причем не только среди гуманоидных рас. Ну а глубокие познания в Белой магии делают их желанными гостями там, где еще только постигают азы этой сложной науки... Короче говоря, арбидонский ученый Констант Арг встретил друга своей молодости с распростертыми объятиями. Жил сей досточтимый муж недалеко от столицы Арбидона славного Сокрайска, так что все для нас сложилось как нельзя более удачно. Нам не пришлось бродить по окрестностям, привлекая к себе внимание любопытствующих и орденских стражников. Последние без труда могли признать в нас межзвездных скитальцев, невесть зачем прибывших на вверенную их заботам планету.

– ...Не в добрый час, достойнейший магистр, вы навестили Константа! – горестно причитал хозяин, любезно снабжая нас одеждой. – Вы, конечно, в курсе несчастья, случившегося с нашей планетой?

Мы были в курсе, но внимательно выслушали рассказ досточтимого хозяина, не забывая при этом набивать свои желудки весьма калорийной местной пищей. Ученый жил в небольшом домике, доставшемся ему в наследство от отца вместе со старой служанкой, так что чужих ушей можно было не опасаться. Тем не менее Констант ни разу не произнес ни слово «маги», ни слово «орден». Судя по всему, он не являлся человеком героического склада и всерьез опасался наказания за свое нечаянное гостеприимство. Впрочем, Аббудала Ках сразу успокоил робкого друга, заявив, что наш визит не будет продолжительным, что мы буквально через час покинем замечательного арбидонца. Констант Арг вздохнул с видимым облегчением и тут же засыпал нас свежими городскими новостями. Среди них имелась одна, крайне меня заинтересовавшая. Речь шла о визите на Арбидон командора ордена Золотого Скорпиона, имя которого обычные смертные не рисковали произносить вслух – отчасти из страха, но в большей степени потому, что просто-напросто его не знали.

– А вы уверены, досточтимый, что речь идет именно о командоре?

– Разумеется нет, достойнейший Аббудала, – пожал плечами Констант. – Я ведь практически никуда не выхожу, живу затворником. Нас, белых магов, изгнали из Университета и предали публичному осмеянию – как жалких невежд и самозванцев. А новости я узнаю от кухарки, которая раз в три дня ездит на городской рынок на нашей старой кляче. По ее словам, рески и пщаци просто лютуют: никого из горожан за версту не подпуская к Новому замку. Раньше такого не было. Очень может быть, приехал не командор, но наверняка кто-то из высших иерархов ордена. Рассказывают, что два одетых в черные плащи с капюшонами мага посетили городскую арену, на которой в это время бились сигойские колдуны. Подобное происходит крайне редко, ибо кровавые зрелища предназначены в основном для пщаков, ресков и арбидонского плебса...

Информация показалась мне весьма интересной. Кем бы ни были эти приезжие, наверняка они обладали интересующей нас информацией. Прихватить бы одного из этих мерзавцев и вытрясти из него грязные орденские тайны.

– Не увлекайтесь, ваше высочество,– охладил мой пыл сирийский магистр.– Вы же слышали, что замок стерегут как зеницу ока.

Достойнейший магистр, скорее всего, был прав, однако повышенные меры охраны еще не повод, чтобы отказываться от задуманного предприятия. В конце концов, мы прибыли на Арбидон не для того, чтобы собирать городские сплетни. С такой работой вполне бы справились и мелкие агенты, которых сюда засылают соответствующие службы Высшего Совета. Если уж командир Первого легиона пограничной стражи лично прибыл на Арбидон, ему не к лицу убраться отсюда с пустыми руками.

– Ну конечно,– ехидно заметил магистр,– двум смертям не бывать, а одной не миновать. Известная присказка Героев... Кстати, ее очень любил повторять ваш прадед Андрей Тимерийский, если верить просвещеннейшему Пигалу Сирийскому...

Несмотря на скепсис магистра, мы все-таки отправились в Сокрайск, дабы собственными глазами убедиться, что сведения, полученные от Константа Арга, соответствуют действительности.

Я запомнил Арбидон очень веселой и бесшабашной планетой. Нынешний Сокрайск разительно отличался от того города, который покорила меня десять лет назад. Арбидонцы выглядели унылыми и запуганными, зато жабовидные пщак и рески чувствовали себя здесь полными хозяевами. Меня буквально бесили их наглые рожи.

Нельзя сказать, что я человек скандальный или не знаю, как вести себя на чужих планетах. Просто если вы встретите Героя, который не горит желанием плюнуть в рожу жабовидному пщак, познакомьте меня с ним. Я даже не вспоминаю о том, что у нашего клана Тимер были с этим отродьем свои старые счеты. Если бы не достойнейший магистр, который постоянно охлаждал мой пыл и улаживал то и дело возникавшие недоразумения, боюсь, все могло плохо кончиться для холуев ордена. Впрочем, возможно, и для нас.

Кухарка оказалась права – нас остановили еще на дальних подступах к орденскому замку. Разумеется, патрули ресков и пщак не были для меня непреодолимым препятствием. И под покровом темноты, используя магию невидимости, мы с магистром могли бы без труда проникнуть под высокие стены, но, к сожалению, это ничего существенного не давало.

Сам замок тоже не казался несокрушимой твердыней – во всяком случае, я видел сооружения и позначительнее, а случалось, и разносил их в прах во главе своего легиона. Но в данном случае такой вариант не годился. Хотя, не скрою, соблазн пощупать черных магов в их логове был велик.

– В результате штурма мы поймем воздух,– охладил мой боевой пыл магистр.– Ничто не помешает командору ордена, если он действительно там, покинуть планету раньше, чем мы захватим замок. Это в лучшем для нас случае, ваше высочество, то есть если мы сумеем снять все заклятия. С другой стороны, наше нападение на Арбидон Темный круг несомненно расценит как агрессию и сделает поводом для развязывания большой войны...

Я и сам быстро понял, что погорячился, так что сириец мог бы и не утруждать себя поисками аргументов. Но обидно же было уходить от стен орденского замка ни с чем!

– Жаль, что вы, принц Алекс, не обладаете способностями своего предка князя Тимерийского, который, если верить Пигалу Сирийскому, без труда прожигал любые стены, даже защищенные самой надежной магией.

– Чем прожигал? – насмешливо спросил я.– Взглядом?

– Нет, слезой Сагкха. Вот этим самым перстнем, что красуется сейчас на вашем указательном пальце, принц Алекс.

Разговор наш происходил в небольшом трактире, из окна которого был хорошо виден орденский замок. Я с сомнением посмотрел сначала на перстень с черным камнем, потом на сложенные из гигантских блоков стены логова черных магов. Как штурмовать неприступные

стены, я знал, но энергию охранного заклятия могла уничтожить только вспышка энергии невиданной силы. Заклятие заклятью, разумеется, рознь, но черные маги как раз и славились тем, что умели создавать неодолимые магические барьеры.

– Может, мой предок знал какое-то суперзаклятие, которое активизировало камень Сагкха?

– Трудно сказать... – озабоченно оглянулся на двери магистр. – Велика вероятность, что активатором служила ненависть...

Озабоченность магистра вызвало появление в трактире орденского патруля в составе трех жабовидных пщак, что-то неразборчиво заквакавших в нашу сторону прямо с порога. Пщак, когда нужно, способны весьма разборчиво изъясняться на человеческом языке, но в данном случае они решили себя не утруждать. Впрочем, я понял, что им понравилось наше место у окна и они требуют от грязных арбидонцев немедленно его освободить для представителей высшей расы.

Не знаю, о какой ненависти говорил магистр, – очень может быть, о той, которая на меня тогда как раз и накатила. Чтобы справиться с тремя пщак, мне не требовалось ни магических заклятий, ни слез Сагкха – достаточно было моего замечательного энергетического меча, который всегда под рукой. Однако я не отказал себе в удовольствии громко назвать пщак квакающими лягушками и для пущей убедительности указать на них пальцем.

Дальнейшее поразило не только хозяина трактира и десяток посетителей-арбидонцев, собравшихся здесь, чтобы скоротать вечерок за кружкой пива, но и меня самого. Огненный язык, неведь откуда взявшийся, вдруг метнулся к уже обнажившим энергетические мечи пщак. От нестерпимого света я невольно зажмурился, а когда открыл глаза, то пщак в дверях не было. Там вообще ничего не было – даже пепла, который остается после применения интенсивной огненной магии.

– Черная плазма... – сказал чуть дрогнувшим голосом магистр. – Так плачут Сагкхи, принц Алекс...

Никто из арбидонцев не шелохнулся. Хозяин продолжал размеренно протирать стойку, на которой блестело пролитое неосторожным посетителем пиво. Все старательно делали вид, что ничего необычного не произошло. Мол, жабовидные пщак в трактир вообще не заходили. На нас с магистром никто и не смотрел, не мешая спокойно пить пиво. И лишь когда я, уходя, расплачивался, хозяин шепнул едва слышно:

– Храни тебя небо, незнакомец. Никогда не видел магии такой силы и чистоты...

На улице стемнело уже настолько, что в трех шагах ничего не было видно. Впрочем, Герою не требуется проводник, чтобы добраться до нужного места. У Арбидона нет ночного светила, но замок и во мгле просматривался очень хорошо, подсвеченный зеленоватым светом снизу. Черные маги желали, чтобы жители покоренного Сокрайска никогда не забывали о господах. Замок олицетворял собой безграничную власть Тьмы над несчастной планетой.

– Рискнем? – спросил я у сиридца.

– Пожалуй... – не сразу, но все-таки согласился магистр. – Будем надеяться, что слеза Сагкха станет для нас надежной отмычкой...

Я не был уверен, что наш ночной налет на орденский замок закончится удачно. Однако, в конце концов, не боги горшки обжигают. Попытка в любом случае не пытка.

Начало предприятия прошло вполне успешно. Мы практически без помех, пользуясь темнотой и барьером невидимости, просочились сквозь заслоны пщак и ресков. Не думаю, что черные маги всерьез рассчитывали на своих нерадивых подручных, выставленных, скорее, просто для порядка – дабы городские зеваки не тревожили неуместным любопытством занятых вселенским переустройством вождей...

Честно говоря, я опасался, что замок окружен заполненным водой рвом, но на наше счастье его строители и проектировщики не стали прибегать к устаревшим способам защиты, целиком положившись на свое магическое искусство.

Вблизи замок выглядел еще величественнее, чем издали. Расположенный на высоком холме, он был обнесен не только каменной стеной, но и мощнейшим силовым полем, от которого наши заклинания отскакивали, словно горох. Не оставалось ничего другого, как испытать магический перстень, уже сослуживший мне хорошую службу.

Место для эксперимента выбрали вдали от главных ворот, между двумя сторожевыми башенками – так, чтобы вспышка черной плазмы не привлекла к себе внимание ни стражи на стенах, ни патрульных внизу. В этот раз мне даже не пришлось себя особенно распалить: возможно, наложенное магами заклятие для черного камня само по себе явилось сильным раздражителем. Вспышка получилась многократно сильнее, чем в первый раз. На какое-то время я ослеп, но, к счастью, беспомощное состояние продолжалось недолго. Сиринец первым ступил в образовавшуюся брешь, и я последовал его примеру.

С точки зрения здравомыслящих людей, нашу вылазку можно смело назвать авантюрой. Нас вполне могли обнаружить в подвале, где мы довольно долго бродили между бочек, заполненных арбидонским вином. Нас могли заметить в коридорах замка, куда мы наконец выбрались после долгих мытарств... По счастью, обитатели замка то ли спали, то ли были заняты каким-то очень важным делом, притупившим свойственную черным магам бдительность.

Чтобы обойти весь замок, нам с магистром потребовалось бы не менее суток. Таким временем мы, естественно, не располагали. Пришлось прибегнуть к услугам рассеянного арбидонца – скорее всего, лакея, который с задумчивым видом нес наполненный до краев кувшин вина по слабоосвещенному коридору. Несколько раз он к своей ноше приложился, воровато озираясь по сторонам.

Наше появление для него оказалось полной неожиданностью. Он открыл было рот для крика, но при виде энергетического меча у горла передумал и только хлопал в испуге куцыми ресницами. Служка попался довольно молодой. Подозрительно красный нос его наводил на мысль о раннем пристрастии к зеленому змию, которое до добра не доводит.

– Кому несешь вино? – шепотом спросил я.

– Гостю... – ответил лакей заплетающимся вовсе не от страха языком.

– Когда гость прибыл в замок?

– Вчера.

Кажется, нам здорово повезло. Имелись все основания предполагать, что речь идет о том самом видном иерархе ордена, возможно даже командоре, о котором мы слышали от Константа Арга. Ценная добыча, безусловно, стоила того, чтобы рискнуть если и не жизнью, то во всяком случае свободой. Мы с магистром отдавали себе отчет, чем для нас может закончиться столь удачно начавшееся приключение.

– Где апартаменты гостя?

Лакей, не задумываясь, указал на ближайшие двери. Больше нам от этого чудака ничего не требовалось. Сиринский магистр в два счета прочистил ему мозги, дабы стереть информацию о нашей встрече, забрал у него кувшин и отправил в подвал за новым. Лакей безропотно побрел по коридору, словно сомнамбула, обретшая наконец цель в жизни.

На наше счастье дверь в апартаменты гостя не была заперта. Судя по всему, черные маги чувствовали себя в полной безопасности на планете Арбидон вообще и в орденском замке в частности, а потому не озаботились ни оберегами, ни охраной.

– Это ты, Кирк? – послышался голос из-под балдахина.

Похоже, гость отправился почивать, но перед сном решил промочить горло.

Прямо скажу: обстановка в комнате не указывала на высокий ранг обитателя. Черные маги всегда славились пристрастием к роскоши. Видимо, мы все-таки просчитались: тип на скромном ложе далеко не иерарх, тем более не командор...

Я промычал что-то неразборчивое. То ли мой голос показался гостю странным, то ли его мучила нестерпимая жажда – как бы там ни было, он соскочил с ложа и зашлепал босыми ступнями по мраморному полу. Нас он увидел сразу и потрясенно развел руками:

– Алексей Петрович, как вы здесь оказались?! Вы же покойник?! Или я сошел с ума?!

На госте была длинная ночная рубашка и ночной колпак. Выражение его лица сделалось настолько глупым, что последние мои сомнения рассеялись: не мог этот человек быть командором ордена Золотого Скорпиона, не мог быть даже иерархом. Разве что мелким агентом!..

Я не сразу сообразил, кого он называет Алексеем Петровичем. Спьяну обознался, что ли? Похоже, они с лакеем Кирком здорово погудели. На столе стояли опустошенные блюда и кубки; сам незнакомец с трудом держался на ногах. Недоумение и ужас проступили на его лице столь красочно, что я едва не расхохотался.

– Вот уж кого не чаял встретить, Алексей Петрович! О вашей смерти даже некролог был в газете... Сынок-наследничек тут же объявился, прибрав к рукам ваши несметные богатства.

Неожиданно для меня Аббудала Ках смущенно произнес:

– Здравствуйте, Евграф Виленович. А как вы здесь оказались? Кто и каким образом вознес вас на небо?

– Шутник... – погрозил сиринцу пальцем странный Евграф, которого тут же повело от резкого движения; если бы не моя поддержка, он непременно грохнулся бы на пол. – Никак не думал, что вы служите черным магам! Ведь этот ваш сынок-наследничек убил Каронга! Зарубил прямо на глазах почтенной публики!.. А наши идиоты решили, что им показывают фокусы. Можете себе представить, Алексей Петрович?! Я о вас никому не скажу – можете смело на меня положиться. Я ведь понимаю – конкуренция... А Каронг был изрядной сволочью!.. Давайте выпьем. За дружбу!

Пьяный незнакомец сделал шаг к столу, но не удержался на ногах и рухнул как подкошенный, носом в пол, зацепившись за ножку кресла.

– Кто это? – спросил я у смущенного магистра.

– Знакомый землянин, – вздохнул Аббудала Ках. – Некто Сиротин Евграф Виленович – заместитель председателя Партии солидарного прогресса, видный финансист и незаурядный жулик... Не понимаю, как он здесь оказался?

– Меня завербовали... – всхлипнул очнувшийся Евграф. – Я изменил Родине, Алексей Петрович. И с кем?! С инопланетянином!

– Как зовут инопланетянина? – спросил я, наклоняясь к землянину.

– Найк... – Евграф попробовал подняться, но без большого успеха. – Он там, за соседней дверью... Алексей Петрович, может, вы за меня похлопочете? Я заплачу!.. Очень хочется домой... Вокруг же сплошные монстры и колдуны! А я – человек впечатлительный.

– И что мы с этим пьяницей делать будем? – спросил я у сиринца.

– Я бы отправил его обратно на Землю, – отозвался достойнейший Аббудала. – Если у ордена есть на него виды, то мы поломаем черным магам игру... А вот с Найком надо познакомиться поближе. Сдается мне, что черные маги затеяли новую интригу на Земле.

Ответить сиринцу я не успел. В коридоре зазвучали шаги. Едва мы скрылись под балдахином, как в комнату вошел человек.

– Сагкх меня побери, Евграф, – услышали мы насмешливый голос. – Когда ты успел надраться? И по какому поводу пьянка?

Я чуть отодвинул тяжелую, расшитую серебряной нитью материю и выглянул наружу. Посреди комнаты стоял человек, одетый по гельфийской моде в узкие штаны и черную рубаху. У него были невыразительное лицо и очень примечательные глаза, которыми он обшаривал комнату, словно выискивая кого-то. Очень может быть, что он услышал наши голоса и это его насторожило.

– Я видел покойника, Найк. Живого покойника!.. Наверное, привидение... – Евграф приподнялся с пола и предпринял героическую попытку сесть, что ему в конце концов и удалось сделать с помощью пришельца.

– Ты что несешь, пьяница?! – В голосе черного мага послышалось беспокойство: он, похоже, почувствовал неладное.

– Родной папа рыжего идиота князя Мышкина... Как хочешь, Найк, но я не хочу жить в замке с привидениями!.. Я же не англичанин какой-нибудь... Мы с тобой так не договаривались...

К сожалению, я не успел помешать Найку воспользоваться висевшим на шее свистком. Запоздал всего лишь на долю секунды. Этого черному магу вполне хватило, чтобы поднять тревогу. От моего кулака негодяй рухнул на пол рядом с пьяным Евграфом – то ли потерял сознание, то ли притворился.

– Скверно... – поморщился магистр, прислушиваясь к отдаленному шуму. – Боюсь, что путь к отступлению нам уже перекрыли.

Шум доносился из того крыла здания, где осталось прожженное слезой Сагкха отверстие. Сиринец, кажется, был прав. Не приходилось сомневаться, что поверженный мною Найк – не единственный черный маг в замке. Предстоял далеко не шуточный бой. И я не был уверен, что мы его выиграем.

– Где-то здесь должна быть пентаграмма... – задумчиво потер подбородок достойнейший Аббудала. – Ведь силовая защита не помешала землянину проникнуть в замок.

– Я знаю, где она находится! – Евграф, похоже, протрезвел от всего пережитого. – Готов показать, если вы поможете мне вернуться на Землю.

– Договорились, – сказал я, подхватывая на плечо бесчувственное тело Найка. – Вперед!..

Для в стельку пьяного человека Евграф двигался довольно уверенно. Правда, Аббудала Ках придерживал его на поворотах. Мы быстро миновали несколько залов, практически никого не встретив на пути. Ну, за исключением двух рассеянных ресков, которым моему энергетическому мечу пришлось расколоть дурные головы. Погоня, кажется, еще не началась по-настоящему – во всяком случае, топота ног за спинами мы не слышали.

– Вот она – пентаграмма! – воскликнул Евграф.

Магистр недолго думая втокнул изрядно протрезвевшего после пробежки пьяницу в центр перепутанных линий и прочел обратное заклинание. Евграф словно растворился в воздухе. Оставалось надеяться, что он все-таки попадет на Землю, а не заблудится где-нибудь в неведомых мирах.

– Теперь наш черед, – сказал Аббудала Ках. – Легко мы с вами отделались, ваше высочество...

Я поудобнее перехватил обмякшее тело черного мага Найка, так удачно угодившего в наши руки, и последовал за магистром в бездонный провал, именуемый Вселенной.

4

**Земля. Россия. Черноземная область. Город
Кацапов. Информация к размышлению**

Виссарион Пацаков в задумчивости сидел в любимом кресле, время от времени раздраженно похлопывая ладонью по подлокотнику в такт скачущим в голове мыслям. Что-то не выстраивалось в нынешней избирательной кампании, которая по всем приметам должна была пройти как по маслу. Виссарион был старым административным волком – с острым нюхом и додемократическим стажем. Любую даже самую искусную интригу он распутывал на лету и принимал упреждающие меры столь дерзкого характера, что даже недоброжелатели восхищенно цокали языками и приговаривали: «Ай да Виссарион, ай да сукин сын!..» А тут вдруг что-то разладилось в безупречно работавшем механизме – словно песчинка попала между притершимися друг к другу шестеренками. И началось все с психопата Сиротина – чтоб ему ни дна, ни покрывки!

Пацаков вновь взял в руки скандально-популярную газету «Комсомольский агитатор» и прочитал название статьи некоего Худоркина: «Известный столичный политик похищен в городе Кацапове». И черт бы с ним, с этим «известным политиком», кабы в статье не фигурировала фамилия самого Пацакова. И фигурировала исключительно по делу, ибо, как ни крути, а Сиротин отправился в психушку именно заботами Виссариона Дмитриевича!.. Но ведь натуральный же был псих! Ни тени сомнения не возникло не только у Пацакова, но и у врачей, обследовавших столичную знаменитость...

Какой прокол, боже мой! И это в самом начале избирательной кампании!..

Следовало бы ему пораскинуть мозгами, прежде чем делать доброе дело для давнего знакомого. Ведь знал же, с каким фантастическим налимом связывается в лице Венедикта Жигановского! Теперь этот сукин сын буквально купается в лучах прожекторов, раздавая интервью направо и налево.

А пресса будто взбесилась! Чего доброго – на губернатора Черноземной области повесят всех местных «потеряшек» за последнее десятилетие!.. Кое-кто уже намекает на то, что Пацаков-де связан с террористами... Каково?!.. Нет, если бы речь шла только о единичных и малотиражных кацаповских изданиях, то Виссарион без труда нашел бы на них управу. Но, увы, в областной центр Черноземья понаехало столько журналюг и из столицы, и даже из заграницы, что никаких намордников на них уже не хватит!..

– Я все-таки не пойму: что у них там за порядки в больнице?! – раздраженно выкрикнул вицегубернатор Загоруйко – верный соратник Виссариона Пацакова на протяжении доброго десятка лет. – Опасный псих вырывается на свободу, а они, вместо того чтобы поставить в известность губернатора, раструбили об этом на весь белый свет!

– Они его на засов заперли... – пискнул от порога бледный как сама смерть и кругом виноватый секретарь Миша. – Там еще и решетки на окнах. Я сам проверял.

– Проверял он!.. – Горячий Загоруйко вытер носовым платком обширную лысину, трубно высморкался и покачал круглой головой. – Вот кадры у нас с тобой, Виссарион!.. Главврача уволить надо немедленно! Наверняка его жигановцы купили!.. А засов Сиротин сам отодвинул. Ну, в крайнем случае, кто-то помог.

– Ты погоди с увольнением... – подал наконец голос молчавший до тех пор Пацаков. – Хотя бы пока столичные журналисты не уедут... А что говорит милиция?

– Ищут,– вздохнул Загоруйко.– Собака след не взяла. Но не на руках же его из запертой комнаты вынесли!.. Слушай, Виссарион, а почему ты решил, что Евграф свихнулся?

– Интересно, а что бы ты подумал, Емельян, если бы твой знакомый начал тебе рассказывать об инопланетных магах и оборотнях?.. Не в себе он был – это точно. Глаза горели, рот дергался... Я, честно говоря, опасался, как бы он на меня не кинулся... А Жигановский в городе?

– Прибыл сегодня в полдень. И целая орда с ним. Еще и кино грозитя у нас здесь снять.

– Погоди... – Пацаков даже приподнялся в кресле.– Какое кино? Уж не про вампиров ли?

– Про инопланетных монстров,– подсказал осведомленный Миша.– В газете «Кацапов сегодня» есть интервью с продюсером – каким-то Мышкиным.

Про Мышкина Пацаков уже слышал от того же Сиротина, который нес, правда, совершеннейшую ахинею... Но ведь дыма без огня не бывает!

– Этот Мышкин, по нашим сведениям, щедро спонсирует господина Жигановского,– поведал секретарь Миша.

– А откуда он вообще взялся? – встрепнулся Загоруйко.

– Сын хорошо известного в столичных деловых кругах Алексея Петровича Мышкина – человека с темной биографией, но очень богатого. Несколько месяцев назад Алексей Петрович скончался, оставив сыну громадное наследство. Мышкин-младший известен разнужданым поведением и запредельным мотовством. По слухам – артистическая натура. Каким-то образом умудрился даже получить звание заслуженного артиста. Хотя при таких деньгах и связях это, конечно, не проблема.

Пацаков слушал своего секретаря с большим интересом. Инопланетянин Мышкин или нет – вилами по воде писано, однако Жигановский обхаживает его неспроста. Имея на руках солидные средства, много чего можно добиться – в том числе и в Черноземной области, где люди на деньги столь же падки, как и в столице. Уж кому-кому, а Виссариону Пацакову это хорошо известно.

– Займись-ка ты этим юношей, Емельян,– обратился Пацаков к Загоруйко.– Мне нужно знать всю его подноготную.

Вице-губернатор кивнул головой и сделал пометку в записной книжке.

Емельян Иванович Загоруйко – несмотря на заурядно-простодушную внешность – был человеком пронырливым, хитрым, коварным и на многое способным. В области его прозвали Колобком – отчасти за небольшой рост и округлость фигуры, отчасти за обширную лысину, но больше всего – за умение выкручиваться из самых, казалось бы, безнадежных ситуаций.

Пацаков своего зама ценил. К тому же многолетняя совместная деятельность, не всегда укладывавшаяся в строгие рамки закона, служила надежной гарантией верности Загоруйко своему шефу.

Размышления Виссариона Дмитриевича прервал звонок. Схвативший трубку секретарь Миша радостно охнул и, оторвавшись от телефона, сообщил:

– Сиротин нашелся!

Пацаков удовлетворенно хмыкнул – знай наших! Надо полагать, для Венедикта Жигановского это будет весьма неприятным сюрпризом. А для столичной прессы – хорошим уроком: будет знать впредь, кого поддерживать, а кого топить.

– Где сейчас Евграф?

– В психушке,– отозвался Миша, не выпуская трубку из рук.– Тут такое дело, Виссарион Дмитриевич: никто не знает, откуда он взялся. Главврач в недоумении.

– Вот народ! – вновь завелся Загоруйко.– В недоумении!.. Психи от них уходят, психи приходят, а они только руками разводят!

– Погоди, Емельян, – остановил зама Пацаков. – Тут надо самим разбираться... Прессе главврач сообщил?

– Нет, – провентилировал вопрос Миша. – Главврач ждет ваших распоряжений. Случай ему кажется столь неординарным, что он решил пока не оповещать общественность.

– Скажи ему, что мы сейчас будем. До нашего приезда – никаких интервью и журналов.

Пока секретарь Миша страдал губернаторскими карами и без того перепуганного врача, отцы области успели пропустить по рюмашке на посошок и для успокоения нервов. С такой работой того и гляди – сам окажешься в психушке!

– Может, охрану вызвать? – забеспокоился предусмотрительный Загоруйко.

– Какая там охрана? – махнул рукой Пацаков. – Чем меньше будет шума, тем лучше...

«Мерседес» развил весьма приличную скорость на практически пустынной в ночь загородной трассе. Пацаков взглянул на часы – время стремительно приближалось к двум. В такую пору да еще при пасмурной осенней погоде спать бы сейчас Виссариону Дмитриевичу... Ан нет. Приходится вот ехать к пьяному столичному придурку!..

Москвичей Пацаков не любил, считал выскочками и ничего хорошего от них не ждал... Взять хотя бы того же Венедикта Жигановского. Ведь как сыр в масле катается в родимой столице! Чего, спрашивается, тянуть ручонки к скудному черноземному бюджету?.. Совести нет у людей! Тут, можно сказать, жизнь кладешь на благо области и народа, а эти являются на все готовенькое!..

В психушке сановных гостей ждали с трепетом. Встречать их вышел главный врач в куцем плаще, накинутом поверх белого халата. Освещено крыльцо было столь скудно, что Пацаков едва нос себе не разбил, споткнувшись о полуразвалившуюся ступеньку.

– Можно же было хоть крыльцо подправить! – возмутился Загоруйко. – Больные же люди у вас здесь!

– С финансами туговато... – сразу же закручинился главврач. – Не хватает на ремонт... Вы же сами видите...

Помещение, в которое наконец ввели губернатора, действительно оставляло желать много лучшего. Пацаков посмотрел на потрескавшийся потолок с отвалившейся кое-где штукатуркой, на обшарпанные до полного неприличия стены и зло процедил в сторону Загоруйко:

– Сидорова завтра ко мне на ковер. Черт знает что у нас творится в здравоохранении!

Емельян Иванович с готовностью закивал головой. Пускать сюда столичных телеоператоров накануне выборов было бы большой и непростительной глупостью. А они наверняка припрутся – чтобы потом разнести по всему свету ложь о негуманном обращении с больными людьми в городе Кацапове... Придется, видимо, брать деньги в резервном фонде и срочно наводить косметический марафет.

– Давно Сиротин вернулся? – спросил Пацаков у главврача – нервного интеллигентного мужчины с воспаленными от бессонницы глазами.

– В час ночи санитар услышал в изоляторе шум. Мы там буйного держали после исчезновения Сиротина. Помещений не хватает, вот мы и поместили его туда временно.

– Так кто шумел-то?! – не выдержал нетерпеливый Загоруйко.

– Шумел буйный. Санитар Коля открыл дверь, а тот весь трясется и мычит. Прямо ошалел от ужаса... На кровати обнаружился Сиротин – пьяный в стельку. Одного не могу понять: где он мог так напиться?

– Где сейчас Сиротин?

– Там же, на кровати. Мы его не стали трогать до вашего приезда.

Санитар Коля – рыжий детина под два метра ростом с руками, похожими на грабли, и круглыми от удивления глазами – стоял рядом с главврачом и с готовностью кивал головой. Он поведал, что накануне лично запер буйного на засов, а сам пошел попить чаю.

– Дрых, небось, без задних ног! – подозрительно покосился на детину Загоруйко. – А в ночь, когда исчез Евграф, тоже дежурил Коля?

– Никак нет, – по-военному четко ответил главврач. – В ту ночь дежурил Саша. Пришлось отстранить его от работы – все-таки такой скандал...

Перво-наперво Пацаков сам, никому не доверяя, осмотрел засов и дверь. Надежные... Дверь обита жестью, выкрашенной в салатный цвет, засов тоже не вызвал никаких сомнений. Открыть его можно было только снаружи... По всему выходило, что ни вытащить из изолятора Сиротина, ни вернуть его обратно без участия персонала не представлялось возможным. Это понимали все, в том числе и главврач, и санитар Коля, который басил как заведенный:

– Не спал я, мамой клянусь! Рано ведь еще было – до часу ночи не дошло!..

– Я весь персонал поменял! – вторил ему главврач. – На вахте у нас очень надежный человек. Я запретил ему по ночам входную дверь открывать без моего разрешения!..

А Сиротин все-таки вернулся... Что напрочь опровергало заверения интеллигентного главврача, который, понимая двусмысленность своего положения, покрылся красными пятнами. Если исчезновение Сиротина можно было оправдать каким-то совершенно нелепым стечением обстоятельств, то его возвращение объяснялось только одним – полномасштабным заговором против губернатора Пацакова всего персонала психодиспансера. Комментарии главврачу не требовались.

– Откройте! – распорядился Пацаков.

Дверь отворилась с таким скрипом и грохотом, что разбудила бы даже мертвого. Однако Сиротин был не мертвый, а пьяный. Смеженные веки его не шелохнулись, как не прекратился и безобразный храп, заставлявший мелко подрагивать стекла.

Пацаков добросовестно осмотрел окно. Разбить стекло, конечно, труда не составляет, но проем весьма тщательно забран решеткой. Проскочить сквозь ее впечатлявшие прутья могла только мышь. Евграф мышью не был – довольно упитанный мужчина средних лет, если не весом, то объемами точно превосходящий хорошо откормленного кабанчика...

– Почему он голый? – полюбопытствовал Загоруйко. – У вас что, белья не хватает?

– Он таким пришел... – развел руками главврач. – Мы не рискнули его тревожить. Пережитый стресс наверняка негативно отразился на психике... Где он мог быть – вот в чем вопрос. Ведь всю больницу перерыли! Я лично принимал участие в поисках!..

Тревожить Сиротина было бесполезно. Пацаков сам в этом убедился, тряхнув психа за плечо. Евграф недовольно всхрипнул, обдав Виссариона Дмитриевича перегаром, но проснуться и не подумал. Судя по всему, принял он изрядно и очухается не ранее утра... Было бы глупостью оставлять его в столь ненадежном месте, как психоневродиспансер.

– Грузите! – коротко распорядился Пацаков.

– Виссарион Дмитриевич, он же псих! – забеспокоился главврач. – У него же диагноз!

– Так пошли кого-нибудь с ним. Хоть бы этого Колю...

Секретарь Миша и санитар Коля завернули сладко похрапывавшего Сиротина в одеяло и под присмотром Загоруйко понесли в губернаторский «мерседес». Псих он или не псих – было абсолютно не важно. Куда важнее предъявить его встревоженной общественности и очистить накануне выборов имя губернатора от всякой скверны.

Сиротина поместили на заднем сиденье между Мишей и Колей. Сам Пацаков устроился впереди, рядом с Загоруйко, который был за шофера.

В дороге Евграфа слегка растрясло, и он начал выдавать некоторые признаки активности. В частности, назвал санитара Колю не то Кириллом, не то Кирком и нагло требовал от

него вина. Секретаря Мишу он упрямо именовал Найком и обвинял в причастности к ордену черных магов. При этом рыдал, бил себя кулаком в грудь и каялся, что он – враг народа... Словом, вполне обычный пьяный бред сильно где-то покутившего гражданина. Так, во всяком случае, думал Загоруйко.

Пацаков, не склонный к скоропалительным выводам, полагал, что дело здесь не только в вине и, быть может, даже не в болезни. Но вслух он свои мысли высказывать не стал, опасаясь, что и его, чего доброго, подведут под диагноз. А диагноз для серьезного политика – хуже приговора. От тюрьмы еще можно откупиться, а вот из психоневродиспансера дороги в кресло губернатора нет.

Сиротин проспал сном младенца всю ночь, дав передышку и своим нянькам. Во всяком случае, Виссарион Дмитриевич прекрасно отдохнул и с оптимизмом встретил новый, не поосеннему солнечный день.

– Ну, что там у нас с Евграфом? – спросил Пацаков у сияющего Миши.

– Бредил! – радостно сообщил тот. – В папочке – краткое изложение его ночных высказываний...

Виссарион Дмитриевич запахнул халат и присел в свое любимое кресло. Надо отдать должное секретарю – он проделал за ночь немалую работу. Впрочем, в старательности своего подчиненного Пацаков никогда не сомневался. Lentя он не стал бы держать при себе. Не считая истории с Сиротиным, Миша шефа ни разу не подвел. Но с Евграфом все настолько запуталось, что Виссарион Дмитриевич пока не спешил с обвинениями в чей бы то ни было адрес, решив прояснить ситуацию до конца.

Чтение сиротинского бреда не только ничего не прояснило, но и окончательно разрушило зыбкую грань реальности. До чего же складно бредит, мерзавец!.. (Пацаков с огорчением и легкой завистью покачал головой.) Если это, конечно, бред, а не тщательно разработанная легенда, имеющая целью запудрить мозги губернатору. В конце концов, от Венедикта Жигановского любой пакости можно ожидать. Этот ради телевизионной картинки душу дьяволу заложит – в прямом и переносном смысле. И работает всегда с размахом – в средствах у него недостатка нет. А Виссариону приходится считать каждую копейку!.. Ну, что тому же Жигановскому Черноземная область? – Да не более чем разменная монета в азартной игре за Кремль!.. Ныне Жигановскому кремлевские палаты не светят ни с какой стороны. Вот он и решил порезвиться в провинции – выставить местную элиту круглыми дураками... Проиграв выборы, он ничего не теряет, а выиграв – ничего не приобретает, разве что моральное удовлетворение... В такой ситуации сам Бог велел дурью маяться!

– Так, говоришь, он встречался с покойным Мышкиным? – задумчиво протянул Пацаков.

– Это он утверждает... – застенчиво хихикнул Миша. – На планете Арбидон... Якобы этот Мышкин вырвал его из цепких лап черных магов и отправил обратно в психоневродиспансер.

– А как ты считаешь, Миша, он действительно ненормальный или притворяется?

Секретарь оглянулся на дверь и, понизив голос, ответил:

– Санитар Коля на последнем курсе мединститута учится. Говорит, что это все фуфло, то есть симуляция. Причем довольно примитивная. Евграф абсолютно нормальный... Я записочку прилагаю к сиротинскому бреду, Виссарион Дмитриевич, которую этот самый Коля писал. Там всяких медицинских терминов целый ворох, но вывод такой: Евграф психически здоров, но не исключено, что его кто-то загипнотизировал, то есть во сне вложил в мозги дурацкую информацию, и он теперь доносит ее до заинтересованных слушателей.

– Хочешь сказать, что его к нам Жигановский подослал?

– Вне всякого сомнения, Виссарион Дмитриевич! Хотя сам Евграф Виленович об этом и не подозревает... Я вчера с Эдиком Атасовым встречался – вы его, наверное, помните: сто-

личный тележурналист, в прошлом году у вас интервью брал – так вот он уверен, что Жигановский и Сиротин связались с масонами. С ложей Скорпиона, кажется. И масоны выделили чуть ли не полтора миллиарда долларов на покорение Черноземья! В придачу Жигановскому дали двух крутых экстрасенсов – этого самого мальчишку Мышкина и матерого старца, некоего Степана Степановича Соловьева, ныне широко известного в тусовочных кругах. Эти двое способны загипнотизировать кого угодно! Под их гипноз попадал и сам Атасов... Мы с санитаром Колей посоветовались и решили, что катавасия с Сиротиним вполне может быть их работой. Ничего сверхчудесного в этом нет – нынешняя наука и не такие фокусы может проделывать.

– А почему ты мне раньше ничего не рассказал?

– Не успел, Виссарион Дмитриевич... Потом, вы же знаете Атасова: он и соврет – недорого возьмет! Я хотел сначала проверить информацию. Вот Сиротин ее и подтвердил в бреду... Должен сказать, что мы имеем дело с людьми опытными, коварными и на все способными.

Суть интриги Жигановского против Пацакова становилась более-менее понятной. Венедикт Владимирович собирался ни больше, ни меньше как обвинить Виссариона Дмитриевича в связях с масонами, экстрасенсами и прочими подозрительными элементами, вызвав тем самым резкое недовольство Кремля. Что там ни говори, а оккультизм ныне в верхах не в моде. Не та эпоха...

Конечно, Пацаков мог бы отплатить Жигановскому той же монетой, но с Венедикта все – как с гуся вода. Репутация у него такова, что если завтра по всем телеканалам объявят, что он пьет водку с инопланетянами, никто по этому поводу не выкажет удивления... Вот на чем строят расчет оппоненты Пацакова! При определенной ловкости рук и при немалых денежных средствах ничего не стоит представить Черноземную область местом разгула сомнительных во всех отношениях личностей, нелояльно настроенных к федеральной власти. А виноват во всем, естественно, Пацаков: не обеспечил... не предусмотрел... проморгал... а возможно даже причастен... Вслед за этим обязательно последуют оргвыводы, весьма прискорбные для Виссариона Дмитриевича!..

Итак, игру Жигановского следует поломать. Его самого выставить полным идиотом и выдворить с позором из области... Зря они там, в столице, думают, что в провинции лаптем щи хлебают и до сих пор далеки от новомодных веяний в области пиара и выборных технологий. Провинция вполне способна дать столице сто очков форы по части махинаций и подтасовки фактов.

– Надо внедрить в окружение Жигановского своего человека, Миша.

Польщенный высоким доверием губернатора, секретарь с готовностью кивнул головой:

– Тут такое дело, Виссарион Дмитриевич... К этим экстрасенсам нужен особый подход. Может, привлечь к делу Колю Бабкина? Он все-таки кое-что соображает в психиатрии и прочих того же сорта науках.

– А доверять твоему Коле можно? А если он связан с Жигановским? Сиротин ведь вернулся в его дежурство.

– Мне Бабкин по секрету сказал, что он какое-то время отсутствовал на рабочем месте. У него роман с врачихой. А она – замужняя. Понимаете, Виссарион Дмитриевич?.. Коля на вахтера грешит: мол, Егорычу только бутылку покажи – и с ним сразу случается куриная слепота. Не знает об этом только главврач. Так что ничего таинственного в возвращении Евграфа нет. Пока Бабкин отсутствовал на своем посту, его могли семь раз вынести и внести.

Вот вам и мистика!.. Пацаков засмеялся и покачал головой. А ведь он едва не поверил в магов и инопланетян. Кабы не врожденная трезвость ума, чего доброго, побежал бы в органы с просьбой защитить от нечистой силы... Ну, Венедикт, ну, шут гороховый! Ладно,

будут тебе инопланетяне. И маги будут. И масоны. Вся журналистская орда ахнет от ужаса и удовольствия! Пацакова экстрасенсами не возьмешь – он и не таких «магов» видел-перевидел. Против него и ОБХСС рыл, и партийный контроль, и всеильный КГБ в его сторону шурился... Где они теперь?! А Пацаков как был на коне, так на коне и остался!..

– Хорошо, Миша, действуй. Но за Колей Бабкиным присматривай – нам только перевертышей не хватало!.. Я на тебя надеюсь.

Очухавшийся поутру Сиротин сильно маялся с похмелья. Однако разум больше не терял, вел себя скромно, знакомством с магами и инопланетянами не козырял. И Виссарион Дмитриевич, посоветовавшись с Загоруйко, решил, что пора отдать столичного финансиста на растерзание журналистам. Загоруйко хотел было подлечить Евграфа рюмкой французского коньяка, но Коля Бабкин воспротивился: спиртное, чего доброго, опять направит мысли Сиротина в заоблачные дали и ломает сострепанную для него легенду. Легенда, к слову, была проста, как малосольный огурец, и сводилась к всем известной и не нуждающейся в комментариях фразе: «Был пьян... Ничего не помню...»

...Пресс-конференция, на которую Сиротин явился, бережно опекаемый Загоруйко и Мишей, вызвала глубокое разочарование как у братии электронной, так и у братии пишущей. Кого у нас, скажите на милость, можно удивить запоем? Сел человек, себя не помня, в самолет и вместо города Парижа оказался в городе Кацапове – с последующими принудительным лечением от белой горячки и попыткой бегства... Абсолютно тривиальная история, в которой областная администрация проявила себя с самой лучшей и наигуманнейшей стороны. Сам губернатор хлопотал о попавшем в беду госте!

Поскольку наш благородный электорат пьяным, безусловно, сочувствует, то не пришлось сомневаться, что первый раунд схватки между областной администрацией и столичным конкурентом Пацаков выиграл вчистую. Все местные и некоторые столичные газеты особо отметили душевность Виссариона Дмитриевича, который не только не отказал в помощи видному члену противостоящей ему на выборах Партии солидарного прогресса, но даже не стал «пиарить» столь щекотливое обстоятельство. Это, конечно же, выгодно отличало его от Венедикта Жигановского, попытавшегося из обычного пьяного конфуза (с кем не бывает!) раздуть вселенский скандал, введя в заблуждение солидные издания и ТВ.

С блеском оправдавший возлагавшиеся на него надежды Сиротин был выпущен на глазах разочарованных журналистов в большой мир. Емельян Загоруйко пожелал ему скорейшего выздоровления, а всем присутствующим – долголетия. На этом история, обещавшая стать сенсацией недели, завершилась. Расстроенные корреспонденты потянулись в ресторан – подсчитывать совершенно напрасно растроченные командировочные и ругать Жигановского, который устроил весь этот балаган с упившимся соратником по партии.

– Старееет Венедикт... – благородно рыгнул Василий Худоркин у стойки. – Попомните мои слова: не видать ему Черноземья, как собственных ушей! С Виссарионом так просто не совладать. Его на голый пиар не возьмешь – он сам кого хочешь отпиарит и голым в Африку отпустит.

– Так что, собираем чемоданы? – уныло спросил обозревателя «Комсомольского агитатора» коллега-журналист из «Сексуально-политического вестника».

– Да вы что?! – замахал на собратьев обеими руками Атасов. – Сейчас как раз самое интересное и начнется: битва экстрасенсов, гипнотизеров и прочих пиаргигантов на славной и много чего повидавшей земле Черноземья! Жигановский так просто не сдастся, ребята!..

5

Земля. Россия. Черноземная область. Рассказывает резидент паррийской разведки его высочество принц Ник Арабийский (он же Рыжий, он же Сынок, он же князь Мышкин)

Город Кацапов мне понравился... После столицы – шумной, многолюдной, переполненной механическими тележками на бензиновом ходу – здесь можно было отдохнуть душой, посидеть за банкой пива, пообщаться с аборигенами, которые, в отличие от столичных жителей, легко шли на контакт.

Мы с Наташкой чуть ли не целый день бродили по городу – «искали натуру». Что такое «натура», я, честно говоря, не совсем понял. Жена в ответ на мои вопросы только рукой махала... И вообще, вдруг выяснилось, что все знают, как снимать кино, включая доблестного оруженосца Василия, который вроде не был замечен ранее в причастности к искусству. Единственным «лохом» в съемочной группе оказался я, а потому каждый стремился просветить меня на этот счет, давая массу советов. К сожалению, противоречивших друг другу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.